

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Исторический факультет

С. М. Смагина

**РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
XX–XXI ВЕКОВ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ
И ИСТОРИОГРАФИИ**

Курс лекций для магистров

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2008

УДК 94:323(470+571)
ББК 63.3(2)6+66.3(2Рос)12
С 50

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Южного федерального университета

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор кафедры философии
и истории Отечества Ростовского государственного
университета путей сообщения *Поташев А. Ф.*;

доктор философских наук, доцент кафедры
исторической политологии
Южного федерального университета *Попов Э. А.*

*Учебное пособие подготовлено и издано в рамках национального
проекта «Образование» по «Программе развития федерального
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
“Южный федеральный университет” на 2007–2010 гг.»*

Смагина С. М.

С 50 Российский политический процесс XX–XXI веков: актуальные
проблемы методологии и историографии: курс лекций /
С. М. Смагина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. – 128 с.

ISBN 978-5-9275-0412-1

Курс лекций посвящен проблемам методологии и историографии российского политического процесса XX – начала XXI вв. и включает девять тем с выделением основных направлений и этапов их рассмотрения. Автор исходит из признания того обстоятельства, что приращение научного знания по предмету не было однозначно прямолинейным процессом и имело свои особенности, которые и определили характер и структуру реконструированного материала, а также основные сюжетные линии.

Адресована студентам, магистрам и аспирантам, а также тем, для кого события, связанные с российским политическим процессом XX – начала XXI вв., представляют интерес.

УДК 94:323(470+571)
ББК 63.3(2)6+66.3(2Рос)12

ISBN 978-5-9275-0412-1

© Смагина С. М., 2008
© Южный федеральный университет, 2008
© Оформление. Макет. Издательство Южного
федерального университета, 2008

Содержание

Предисловие	4
Тема 1. Предмет методологии и историографии истории русского политического процесса XX – начала XXI вв.....	6
Лекции 1–4	6
Тема 2. Историография русского либерализма	30
Лекции 5–7	30
Тема 3. Историография народничества и неонародничества в России	44
Лекции 8–9	44
Тема 4. Историография российской социал-демократии	56
Лекции 10–12.....	56
Тема 5. Историография русского консерватизма	71
Лекции 13–14.....	71
Тема 6. Российский политический процесс на глобальном изломе (1917–1920 гг.): проблемы методологии и историографии	79
Лекции 15–18.....	79
Тема 7. Советский политический режим в условиях нэпа. Формирование тоталитарной системы: вопросы историографии и методологии	92
Лекции 18–19.....	92
Тема 8. Попытки реформирования советской политической системы «сверху»: вопросы методологии и историографии	104
Лекции 20–21.....	104
Тема 9. Современный российский политический процесс: методологические ориентиры и историографические наработки.....	115
Лекции 22–24.....	115

Предисловие

История российского политического процесса все больше завоевывает свой статус как важнейшая составляющая политической истории России. Одновременно возрастает необходимость изучения ее теоретико-методологических и историографических основ, что позволяет углубить уровень знаний и представлений о содержании и динамике российского политического процесса на протяжении XX – начала XXI вв. Как известно, исследование любой отрасли исторической науки как феномена предполагает ее постижение в двух измерениях. Первое – место, роль и основные функции науки в обществе, что по отношению к историографии является внешним фактором. Второе измерение – это состояние самой отрасли науки, ее структура, предпочтения, тематика, методика.

Сегодня очевидно, что на протяжении более чем ста лет трансформировались и первое, и второе измерения, ибо историография основывается на обширной интеллектуальной традиции. Это обусловило необходимость, *во-первых*, изучения трех основных этапов в ее развитии: досоветского, советского и постсоветского; *во-вторых*, понимание того обстоятельства, что приращение знаний по предмету не было однозначно прямолинейным процессом.

Главная *цель курса* состоит в том, чтобы сформировать целостное представление о характере изменений оценочных срезом в исторической науке, выявить содержание историко-политологического знания на разных этапах, как определить критерии научности выдвинутых концепций, и возможную перспективу превращения их в инструмент осмысления происходящего.

Новые подходы в области методологии требуют отказа от признания наличия абсолютно истинного метода реконструкции прошлого и конструирования настоящего; предполагается сравнение характера их рассмотрения сквозь призму не одной, как было ранее, а нескольких идеологических систем (либерализма, консерватизма, социализма), абстрагируясь от показа судорожного поиска некоторыми авторами своего идеологического «окна» при интеграции прошлого с забегами с чисто «социалистического» старта до «либерально-консервативного» финиша.

Задачи курса предполагают:

- а) формирование у студентов и магистрантов представления о методологии и историографии истории российского политического процесса XX–XXI вв.;
- б) знакомство их с методологическими основаниями наиболее важных подходов, используемых в историко-политологическом анализе; в частности, в курсе рассматривается различная трактовка формационного и цивилизационного подходов, теории рационального выбора, постмодернизма;
- в) демонстрацию применимости теоретических представлений о методологических стратегиях историко-политологических исследований для анализа современных ситуаций;
- г) выработку навыков самостоятельного методологического и историографического анализа исторических концепций прошлого и настоящего.

Данный курс является составной частью магистерской программы. Его изучение базируется на усвоении всего комплекса общетеоретических и прикладных дисциплин специализации по «Исторической политологии».

Основные формы контроля:

- текущий контроль – проверка знаний в ходе лекций, заслушивание и оценка устных докладов;
- промежуточный контроль – реферат (эссе);
- итоговый контроль – экзамен (зачет).

Структура учебно-методического комплекса включает девять тем, каждая из которых включает планы и тезисы лекций; контрольные вопросы и задания.

Тема 1. Предмет методологии и историографии истории российского политического процесса XX – начала XXI вв.

Лекции 1–4

Лекция 1. Российский политический процесс XX–XXI вв. и различные методологические подходы к его освещению. Формационный подход и его место в формировании отечественной историографической традиции

План

- ⋮ 1. Марксистская методология и советская историческая наука. Ее кризис на рубеже 80–90-х годов XX в.
- ⋮ 2. Формационный подход и возможности его использования.

1. В современной научной литературе сложилось четкое представление об истоках формирования двух основных тенденций объяснения исторического процесса: формационной (стадиальной) и цивилизационной (условно-региональной) типологии культурных типов.

В результате распада традиционного универсалистского (христианского) мировоззрения в историческом мышлении нового времени утверждаются и постепенно становятся определяющими – отчасти последовательно сменяя друг друга, отчасти существуя параллельно – две фундаментальные идеи: формационного и цивилизационного рассмотрения истории. Первая восходит к рационалистической идее всемирно-исторического прогресса в историографии Просвещения, вторая – к идее органического процесса развития самобытных национальных культур романтизма.

В историческом мышлении XIX в. первая идея трансформировалась в ставшее господствующим представление (учение) о социально-экономической формации (в первую очередь – марксизм); вторая идея – в форме теории так называемых локальных цивилизаций. При этом, по свидетельству многих ученых, история развития исторической науки подтверждает мысль о том,

что в условиях одной и той же культурно-исторической и историографической ситуации возможно существование нескольких исследовательских парадигм, причем новая парадигма возникает и существует, как правило, в виде определенных теоретических обоснований, а исследовательская работа достаточно долгое время ведется в рамках сложившейся ранее традиции.

Следует иметь в виду, что до событий 1917 г. российская историческая мысль развивалась в едином европейском историографическом пространстве. Более того, российские исторические школы в ряде случаев заметно влияли на развитие мировой исторической мысли.

В условиях же советского политического режима утвердилась новая историографическая традиция, согласно которой в стране свершилась социалистическая революция в соответствии с законами общественно-исторического развития, открытыми Марксом–Энгельсом и развитыми Лениным. Из этих общих установок проистекала соответствующая историографическая проблематика. Формация, класс, партия, революция, пролетариат – эти понятия стали основой нового исторического словаря. Также формировались магистральные темы исторических исследований: история российских революций, история коммунистической партии и ее борьбы со всеми иными партиями, рассматриваемыми лишь как объект борьбы с ними большевиков, история борьбы классов и т. д.

На рубеже 80–90-х годов XX в. с изменением политической ситуации в стране историческая наука претерпела серьезный кризис: *во-первых*, стала очевидной несостоятельность признания марксизма-ленинизма в качестве единственной теоретико-методологической основы исторических исследований; *во-вторых*, историческая наука оказалась не в состоянии спрогнозировать будущее, хотя это официально предусматривалось ее целеполаганием на предыдущем этапе; таким образом, многие ее прежние социальные функции (в значительной степени – идеологические, популистские) были отвергнуты обществом и признаны во многом несостоятельными; *в-третьих*, исторический факт в какой-то мере разошелся с имевшими место на тот момент теоретическими концепциями, претендовавшими на поиск универсального исторического смысла и почти совсем не постигшими познава-

тельный потенциал таких идеологических систем как либерализм, консерватизм, демократический социализм и т. д.

Постепенно историки и политологи стали ощущать необходимость отказа от установки на систематизацию исторического прошлого как обязательного «предуготовления настоящего или будущего»; настоящее уже не представлялось как закономерный итог поступательного движения, реконструируемого аналитическим способом; также концептуально и этически малопродуктивной стала казаться тематизация какого-либо окончательного исторического состояния, которое неизбежно должно было наступить и способно поэтому объяснить прошлое и настоящее через их движение к этому состоянию.

И хотя дискуссии по вышеобозначенным вопросам продолжались (А. А. Искендеров; И. Д. Ковальченко, Л. Б. Алаев, В. И. Кузищин, Ю. И. Семенов, В. И. Овсянников и др.)¹, но большинство историков согласилось с тем, что происходящие в науке перемены связаны именно с кризисом марксистской теории исторического процесса. Понимание его содержания разное, также как неоднозначен ответ на вопрос о том, удалось ли кризис преодолеть. Постепенно затихают сентенции по поводу «непредсказуемого прошлого», «дезориентированного общественного сознания», «вакуума объединяющих идей», «ценностного тупика» и т. д. Единодушны в одном: произошел отказ от советской ортодоксальной версии марксизма². При этом значительная группа историков исходит из того, что причины кризиса коренились в самом марксизме, в его жестком схематизме и тяге к упрощению всеобщности (Ю. Н. Афанасьев, А. А. Искендеров и др.). Некоторые (В. И. Кузищин, Ю. И. Семенов и др.) выступают за необходимость более дифференцированного отношения к марксизму, различая принципиально важные понятия «исторический материализм» и «материалистическое понимание истории», выводя последнее из-под критики. Третьи (например, И. Д. Ковальченко, Л. Б. Алаев) полагают, что подлинный марксизм остался за пределами нашего знания.

¹ См.: Вопросы истории. 1996. № 4; Новая и новейшая история. 1995. № 1; 1996. № 4, 5.

² См.: «Круглый стол». Советское прошлое: поиски понимания // Отечественная история. 2000. № 4. С. 94.

2. Очевидно, что известная жизнестойкость формационного подхода, обоснованная марксизмом, связана не только с определенной идеологической обстановкой в нашей стране в недалеком прошлом, но и с наличием в его арсенале достаточно четких критериев при определении содержания этапов исторического развития, а также конкретности его цели и условий достижения.

Конечно, попытка К. Маркса в середине XIX в. поставить изучение истории на научную основу заслуживает внимания, также как и определение четырех основных принципов ее материалистического объяснения: единства исторического процесса или неизбежности повторения его этапов всеми человеческими социумами; исторической закономерности – наличия общих, устойчивых, повторяющихся связей и отношений между людьми и результатами их деятельности; экономического детерминизма с выделением из всего многообразия причинно-следственных связей способа производства материальных благ как самодовлеющей основы общественного развития; и, наконец, принципа его поступательного характера, т. е. исторического прогресса.

В свете накопленного историками и политологами опыта сегодня стали ощутимее как плюсы, так и уязвимые места этой социологической схемы: в первую очередь, однолинейный характер исторического процесса, который в данной интерпретации воспринимается многими как «шествие человечества гуськом» в затылок друг другу, хотя и с возможным забеганием (отставанием) отдельных единиц; жесткая привязка любых исторических явлений к способу производства, системе производственных отношений (формации), в связи с чем принижались личностное содержание исторического процесса и духовные факторы его развития; наличие элементов провиденциализма и социальной утопии (теория коммунизма); абсолютизация роли конфликтных отношений, в том числе – насилия в историческом процессе, представляемом только через призму классовой борьбы.

Последствия использования данного подхода в советском варианте для отечественной истории очевидны: *во-первых*, весь российский политический процесс XIX–XX вв. был вписан в классическую схему истории освободительного движения; *во-вторых*, значительное число исследовательских сюжетов было соподчинено одной макропроблеме – формированию предпо-

сылок будущих социалистических преобразований; *в-третьих*, в качестве главного механизма преобразований рассматривались партия «нового типа» и диктатура пролетариата, которые и должны были исправить «недостаточность» российской истории, выправить ее специфику, минимизировав трудности воспроизведения «естественного пути» Европы.

Соответствующим образом строилась и исследовательская практика историков, которая отражала характерный для советской историографии монологизм и концептуальную упрощенность, когда сложные политические (исторические) явления объяснялись схематично, значение одних факторов, в данном случае материальных, было преувеличено, а других – проигнорировано, а под «принципы исторического исследования» подводили самые разные идеи, наиболее значимыми из которых признавались три: историзм, партийность и объективность¹.

Марксизм как идеология принадлежит историческому прошлому. Но сегодня, когда, как заметил в свое время историк М. Я. Гефтер, «мировая вертикаль» в профессиональном сознании перевернулась в горизонталь и «эпохи» из смотрящих в затылок друг другу стали «единовременными», логично предположить возможность сочетания «деидеологизированного» марксизма с некоторыми современными политическими и социологическими теориями.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем выразился кризис советской исторической науки на рубеже 80–90-х годов XX в.?
2. Какие три уровня оценок марксизма имеют место в новейшей историографической литературе?
3. В чем суть формационного подхода и возможностей его использования при анализе российского политического процесса XIX–XX вв.?

---

¹ См.: Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Отечественная история. 1996. № 5. С. 163.

Лекции 2–3. Цивилизационный подход к изучению политической истории России XX–XXI вв.: школы, направления, сущность

План

- 1. Общее понятие цивилизационного подхода и его роли в процессе научного исторического познания.
- 2. Некоторые проблемы методологии истории в трудах российских ученых конца XIX – начала XX вв.
- 3. Цивилизационный подход к изучению исторического процесса: западноевропейские школы.

1. Как подчеркивалось в предыдущей лекции, 90-е годы XX в. стали для отечественных историков и политологов периодом поисков, содержание которых достаточно четко выразил историк В. П. Булдаков в «Красной смуте»¹, предложив преодолеть, с одной стороны, «тоску по былой методологической “определенности”», а с другой – «своего рода методологическую суетность...». Ракурс поисков был связан, прежде всего, с обоснованием «преимуществ цивилизационного подхода»² и его соотношением с теоретико-методологическими основами исторических исследований.

Методология истории в узком и конкретном смысле может быть представлена в качестве научной дисциплины, обеспечивающей организацию исследовательского процесса с целью получения нового и максимально достоверного знания³.

Выход из кризиса многим представлялся в смене методологических парадигм – замене модернизма (в первую очередь, марксизма) с его универсальными, все объясняющими теориями общественного развития, постмодернизмом с его моделями вариативности и неравномерности изменений, с его дистанцированием от авторитарной парадигмы и политических закономерностей, с заменой истории «сверху» историей «снизу» на «микроуровне», с его ставкой на самостоятельную роль слов

¹ Булдаков В. П. Красная смута. М.: РОССПЭН, 1997. С. 306, 323.

² Бордюгов Г. А. Вместо заключения // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 429.

³ Мининков Н. А. Методология истории. Ростов н/Д, 2004. С. 98.

и текстов, свободно выбираемых исследователями, и на идею синтеза различных подходов к изучению истории при условии отказа от ориентации на сверхценность абсолютно истинного. Этому способствовала и ставка на «культурную матрицу», для которой, как правило, не важны причины и следствия того или иного события.

Парадигма (от греч. *paradeigma*) – пример, образец. В исходном смысле под парадигмой, например, философ Т. Кун подразумевал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения»¹. Аналогичную позицию занимает А. В. Лубский, разделяющий мнение о том, что это «система предписаний и правил познавательной деятельности, или модели научного исследования»².

Смена парадигм открыла двери перед большим числом теоретических концепций, ранее не востребуемых: культурно-исторических типов в евразийском толковании, «догоняющей» модернизации, расколотой цивилизации, цикличности общественного развития и т. д., перед множеством методик, утверждение которых можно охарактеризовать как проявление методологического плюрализма. Методологический плюрализм проявился также, по мнению ученых, в попытках комбинирования номотетического (типизирующего) и идиографического (индивидуализирующего) подходов: первый моделирует историческое целое, абстрагируясь от деталей, иногда весьма значимых; второй воссоздает локальное единство, исторический феномен, но не дает методологического инструментария для включения его в целое всемирно-исторического порядка³.

Следует иметь в виду, что цивилизационное мышление начало складываться еще в XVIII в. Сам термин «цивилизация» (от латинского слова «*civilis*» – городской, гражданский) впервые использовал В. Р. Мирабо (XVIII в.) в трактате «Друг людей»; в трудах мыслителей эпохи Просвещения он означал высокий уровень развития культуры общества, с ним связывалось совер-

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1997.

² Лубский А. В. Классическая парадигма исторического исследования // История: научные поиски и проблемы. Ростов н/Д, 2000. С. 27.

³ См.: Румянцева М. Ф. Теория истории: учеб. пособие. М., 2002. С. 199.

шенствование нравов, законов, искусств, науки, философии. В конце XIX– начале XX вв. цивилизационная теория получила особенное развитие: в России ее стали связывать с вопросом о цивилизационной самоидентичности страны.

Сегодня данный подход базируется, прежде всего, на понимании цивилизации как целостной общественной системы, включающей в себя различные элементы (культуру, религию, политические, экономические, социальные особенности), которые согласованы между собой, и каждый элемент несет на себе печать своеобразия этой системы, весьма устойчивое. И хотя под влиянием внешних и внутренних воздействий происходят изменения, их некая основа, внутреннее ядро остается неизменным. Такой подход зафиксирован в истории культурно-исторических типов или локальных цивилизаций, рассматриваемых как большие, исторически сложившиеся общности, занимающие определенную территорию и имеющие свои особенности социально-экономического и культурного развития (они могут совпадать с государственными границами – китайская цивилизация, а могут включать в себя несколько государств – западноевропейская цивилизация). Безусловно, основой данной теории является многолинейная дискретная модель истории, исходящая из признания факта одновременного существования множественности цивилизаций, подлежащих типотизации, т. е. сопоставлению их друг с другом. Сильными сторонами такого подхода являются: его применимость к истории любой страны или группы стран, ибо он ориентирует на выявление их исторической уникальности; признание многонаправленности исторического процесса и, следовательно, расширение возможностей выявления его многообразия; введение человеческого измерения как главного элемента, важнейшего качественного параметра общественных изменений. Наиболее сложной задачей является определение критериев сопоставимости типов цивилизаций, ибо это требует выделения набора признаков, которые должны носить достаточно общий характер, с другой стороны – обозначения первичных особенностей.

Именно характером сочетания первичных основополагающих элементов жизни людей (культурных, религиозных, политических, социально-экономических) и признанием той или иной их

конструкции в качестве монады (от греч. monas—monados – единица, неделимое) истории отличались различные школы и направления, формировавшиеся в конце XIX–XX вв. в России и Западной Европе в рамках цивилизационного мышления. И неслучайно в 90-е годы XX в. отечественные историки, стремясь найти выход из профессионального тупика, обращались либо к методологии истории в русской дореволюционной историографии, либо к методологии зарубежных коллег (их исследования никогда не страдали монологизмом).

2. В этой связи резко вырос интерес к теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, изложенной в его работе «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому»¹. Данилевский предложил новую формулу «построения истории»: история не есть прогресс некоего общего разума, некоей общей цивилизации, ибо таковой просто нет, а есть развитие отдельных культурно-исторических типов, носителями которых являются естественные, т. е. исторически сложившиеся, группы людей. Таким образом, он отверг идею единой линии в развитии человечества, идею прогресса. В соответствии с его теорией невозможно, *во-первых*, указать, какой культурный тип является по уровню развития более высоким (как заметил его современник, историк К. Н. Бестужев-Рюмин, теория культурно-исторических типов должна стать методологической основой для исторических исследований, ибо она способствовала преодолению общепринятых в науке европоцентристских установок, в соответствии с которыми принимают «немцев – за все человечество, цивилизацию XIX века – за нормальную цивилизацию»²); *во-вторых*, представить движение истории человечества «по прямой». «Прогресс, – считал Данилевский, – состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб., 1869; СПб., 1995.

² Бестужев-Рюмин К. Н. Теория культурно-исторических типов / Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения... С. 5.

поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, что она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития»¹. Все культурно-исторические типы (он выделил 13) одинаково самобытны в том смысле, что только из самих себя – из особенностей своей духовной природы и внешних условий жизни – черпают содержание своей жизни, хотя и не всегда реализуют его с одинаковой полнотой и многосторонностью. В качестве исторического закона (всего он выделил семь законов развития культурно-исторических типов, пять из которых назвал «основными») Данилевским утверждался принцип «непередаваемости» культурных начал и ценностей. Каждый культурный тип представляет собой своеобразную «историческую монаду». В целом же человечество могло развиваться только «разноместно» и «разновременно», реализуя различные стороны своего культурно-деятельного существования. Данилевский выделил четыре типа такой деятельности: религиозная, культурная (наука, промышленность, искусство), политическая и социально-экономическая. Каждый культурно-исторический тип в соответствии со своими данными мобилизует усилия в одной или нескольких из этих сфер, чем и определяется его своеобразие и историческое призвание. В случае соединения четырех видов деятельности достигается провиденциальная цель истории, поскольку этот синтез и обеспечивает прохождение «исторического поля во всех направлениях»; и только внутри отдельного культурного типа возможно установление этапов развития, возможна периодизация истории. В результате сравнительного анализа выделенных им культурно-исторических типов Данилевский дал высокую оценку славянского типа, предположив возможность синтеза им всех 4-х сторон культурной деятельности («четырёхосновную культуру»). Либеральная общественность России (*П. Н. Миллюков* и др.) восприняла книгу Данилевского как развернутую программу русского панславизма. На аналогичной ее оценке настаивал и В. И. Ленин. В итоге работа Данилевского на долгое время стала одним из аргументов борьбы

---

¹ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 92.

политических сил российского общества, а ее научный потенциал был оценен позже не российскими, а западноевропейскими исследователями (А. Тойнби и др.)

Значительную роль в обосновании методологии отечественной исторической науки сыграли труды историка В. О. Ключевского, в частности его «Методология русской истории», большинство общеметодологических установок которой повторены в первой лекции его основного «Курса русской истории»¹. Разделяя в целом позитивистскую методологию, согласно которой история была одной из конкретных наук, а историческое исследование в данном понимании ограничивалось эмпирическим (фактологическим) уровнем, В. О. Ключевский тем не менее вышел на высокий уровень теоретико-методологических обобщений, востребованных и современным историческим знанием. В отличие от своих учителей – С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина – представителей государственно-юридической школы, сводивших предмет истории, в первую очередь, к деятельности государства, Ключевский в качестве содержания истории определил «исторический процесс, т. е. ход, условия и успехи человеческого общежития», которое, по его мнению, являлось таким же фактом мирового бытия, как и жизнь окружающей природы. Конкретизируя понятие человеческого общежития, он определил предмет истории как происхождение, развитие и свойства людских союзов, являющихся формами этого общежития. В качестве же «основных исторических сил, которые строят людское общежитие», он назвал три: «человеческую личность и процесс ее самоидентификации, «людское общество и природу страны», во многом определяющую геополитическое тело страны, а также те вихревые потоки колонизации (расселения и переселения), которые и образовали «пережитые нами периоды... истории»². Роли личности и идей в истории он уделял большое внимание, особенно подчеркивая их значимость в «переходные эпохи». Историк различал первичные, «естественные союзы», основанные на кровнородственных или традиционных связях (семья, род, племя), и вторичные, «ис-

---

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории // В. О. Ключевский. Сочинения: в 9 т. Т. 1. М., 1987. *Его же*. Методология русской истории. Т. 6.

² Там же. Т. 1. С. 40, 53.

кусственные союзы», возникающие в результате сознательной организации индивидов в целях «поддержания общего блага». К последним он, в первую очередь, относил государство и церковь, видя назначение и историческое оправдание государства как органа цивилизации прежде всего в представлении общего интереса. В качестве основного базиса его деятельности он рассматривал различного рода «союзы» человеческого общежития, разводя понятия государства и гражданского общества, по существу сделав это впервые в русской истории.

Важнейшей проблемой в методологии истории Ключевского является проблема соотношения общей и местной истории, в частности отношения истории России к мировому историческому процессу. Он неоднократно подчеркивал, что данный процесс складывался из множества разнородных и асинхронных процессов: «Рассматривая явление в очень большом масштабе, всеобщая история сосредоточивается главным образом на культурных завоеваниях, которых удалось достигнуть тому или другому народу»; изучение же местной истории давало «материал для исторической социологии», ибо «народы здесь... рассматриваются сами по себе, как отдельные этнографические особи, в которых, повторяясь, видоизменились известные процессы общежития, те или другие сочетания условий человеческой жизни»¹. По мнению Ключевского, общая и местная история взаимно дополняли друг друга, научное объяснение прошлого каждого народа возможно только с точки зрения современного мышления и культуры.

Таким образом, ряд отечественных историков, вслед за Н. Я. Данилевским, оперировали понятием культурно-исторического типа, все больше обращая внимание на психологическую составляющую содержания этого понятия. Одним из них в начале XX в. в России стал А. С. Лаппо-Данилевский. В главном труде своей жизни «Методология истории»² он определил в качестве ее предмета конкретные вопросы научного познания, связанные с выработкой познавательных принципов, методов и

---

¹ Ключевский В. О. Указ. соч. Т. 1. С. 36.

² Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. 1, 2. СПб., 1910, 1913.

«обоснованной системы исторических понятий»¹. Одновременно методологию истории Лаппо-Данилевский подразделил на две части, которые назвал «теорией исторического знания» и «методологией источниковедения», «методологией исторического построения»; последние как бы завершали эмпирическую стадию изучения, подготавливая последующий, теоретический этап. Теория исторического знания формулировала ответы на ряд вопросов: с какой теоретико-познавательной точки зрения история изучает данные «нашего опыта»; причинно-следственные связи и принципы целесообразности в исторических построениях; критерии исторических оценок и т. д.² В историческом плане разделяя взгляды, которые получили развитие в конце XIX в. в рамках неокантианства, и признавая возможность познания в исторической науке лишь в относительной степени, тем не менее, А. С. Лаппо-Данилевский не исключал присутствия в истории, как и в естественных науках, определенных закономерностей. Поэтому он считал возможным осуществлять объяснение истории как с *номотетической*, так и *идиографической* точек зрения, увязывая первую прежде всего с учетом психологического фактора и одновременно доказывая научность методов второй. Широко используя понятие «культурного типа»³, Лаппо-Данилевский в качестве главного критерия, определяющего его внутреннее содержание, назвал «народную (социальную) психологию», проявления которой в виде «общей воли»⁴ объясняло многие перипетии российского исторического процесса. И в этой связи вызывает интерес его обоснование роли мотива (мотивации поступка), который, будучи определенным «состоянием сознания», обуславливает (вызывает, определяет) или движение, или волнение, или в частности волевое движение»⁵. При этом «с психологической точки зрения причины превращаются в мотивы», т. е. на место установления причинно-следственных связей ученый предложил выяснение психологической мотива-

---

¹ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 5.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 116–117.

⁴ Там же. С. 233.

⁵ Там же. С. 105.

ции деятельности людей¹, в значительной степени именно с последней связывая особенности того или иного культурного типа и определяя инструментарий его изучения.

Таким образом, и сегодня, обращаясь к осмыслению опыта истории, или, как сказал бы Н. Бердяев, *мистерии свободы*, ход и исход которой не predeterminedены заранее, общественная мысль в поисках смысловых опор в его понимании обращается к русской методологии, обозначившей целый спектр вариативных смыслов истории.

3. Аналогичный интерес у современных исследователей вызывает содержание западной историографической традиции и методология ее конструирования. В первую очередь это относится к социологическому подходу Макса Вебера, профессора Мюнхенского университета. Он был одним из первых зарубежных ученых, подвергших анализу общественно-политический процесс начала XX в. в России и попытавшихся через сопоставление характера этики русских либералов и российской действительности объяснить слабую востребованность их идеалов². Но главной работой Вебера стала «Протестантская этика и дух капитализма» (1905 г.), публикацией которой началась серия его статей по социологии религии, а «по существу, – как заметил другой социолог Питирим Сорокин, – социологии истории в целом». Методологический подход М. Вебера формировался в полемике с марксизмом. Признавая в Марксе ученого, положившего начало изучению капитализма и увидевшего в нем мощный фактор общественного развития, Вебер не принял тот метод исторического действия, который был предложен Марксом: «Революция – катастрофа...»³, отбрасывание человеческого социума назад, акт насилия одной его части над другой; также утопией он называл его учение о коммунизме, не видя реальной альтернативы современному буржуазному обществу, опять-таки не идеализируя последнее. Но особенно резко Вебер выступил против экономического детерминизма Маркса. Сформулировав понятие «цивилизация» и спроецировав

¹ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 127.

² Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Философская и социологическая мысль. 1991. № 10.

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 687.

его на историю стран Западной Европы, он показал, что именно изменение религиозной этики и обновление церкви (возникновение протестантизма – Реформация XIV–XV вв.) предшествовали формированию капиталистической экономики и стали основными стимулами ее развития. Более того: трудовая этика протестантизма освятила человеческий практицизм и предпринимательство, возложив ответственность за поступок человека на самого человека, подняв престиж мирского профессионального труда и божественного воздаяния за него. Вебер выразил свое отношение и к методологии исторического исследования, провозгласив принцип «свободы от ценностей» и введя категорию идеального типа, т. е. мыслительную конструкцию для того, чтобы измерять индивидуальные связи, иными словами связи, «имевшие значение в своем своеобразии, как, например, христианство, капитализм и т. д.» Использование метода типологизации в форме выделения идеальных типов, по замыслу Вебера, должно было служить средством «независимого от ценностей» исследования и дало положительный результат. В историографической же ситуации начала 90-х годов XX в. с помощью этого принципа преодолевались принципы партийности и классового подхода, долгое время довлевшие в советской исторической науке. Опять-таки веберовские методологические установки, в известном смысле перекликавшиеся с подходом А. С. Лаппо-Данилевского, способствовали утверждению новых направлений в отечественной историографии 90-х годов XX в. – историко-психологического и историко-антропологического, в центре внимания которых стал человек соответствующей эпохи.

Новое направление в западноевропейской методологии, востребованное в современных условиях и отечественной историографией, было связано с двумя школами: школой «Анналов», объединившейся вокруг журнала с аналогичным названием во Франции в 1929 г. и школой английского историка Арнольда Тойнби. Критически оценивая традиционную историографию как историю событий, создатели журнала Марк Блок и Люсьен Февр считали, что в центре внимания историков должен стоять человек, человек общественный, и выдвигали в качестве идеала историю массовых явлений, или «тотальную историю». Идеал тотальной (глобальной) истории не исключал разнообразия ис-

следовательской практики. Так, М. Блок ставил в ее центре человека в обществе и социальную проблематику, Л. Февр – проявления индивидуальности в области культуры, Ф. Бродель – человека в экономической сфере, Ж. Ле Гофф – человека в контексте среды его обитания и т. д. Введя *понятие ментальности* и обосновав необходимость ее учета применительно к людям той эпохи, когда возникло исследуемое явление, они дали методологический ключ к постижению этой новой истории. Главным препятствием для ее развития, по мнению Л. Февра, являлась приверженность историков к позитивистской, европоцентристской картине мира. Борьбе с данным мышлением он посвятил ряд работ, позже переизданных под символическим названием «Бои за историю». Л. Февр и его коллеги выступили за создание единой науки о человеке, за «историю во всей ее полноте» (именно так называлась одна из его полемических работ), за изучение малоисследованных культур, соответственно за расширение междисциплинарных контактов историков и совершенствование методик исследования. Л. Февр отводил исключительно важную роль правильной постановке проблемы: «Постановка проблемы – это и есть начало и конец всякого исторического исследования. Где нет проблем – там нет истории...»¹. Возможность же такой постановки зависит от самого историка, от его философской и методологической позиции, от представлений о культурно-историческом контексте изучаемой эпохи.

В значительной степени идеи «Анналов» развил английский историк А. Тойнби, начавший в 30-е годы XX в. публиковать свой новаторский труд «Постижение истории»² и тем самым сделавший попытку создать цивилизационную модель глобальной истории человечества, предложив соответствующую типологию создания видовых моделей, их контактов и взаимодействий во времени и пространстве. Л. Февр высоко оценил замысел ученого, взявшего на себя «задачи сравнительной истории цивилизаций». Отказавшись от фактографической, описательной методики пересказывания источников, названной другим английским методологом Р. Д. Коллингвудом «историей ножниц и клея»,

---

¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 28.

² Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

и выдвинув проблемный подход, А. Тойнби достаточно четко представил свое понимание истории. Прежде всего, согласно его позиции, история до настоящего момента (труд «Постижение истории» был завершен в 1966 г.) *не единый поток*, движущийся сквозь века и охватывающий все человечество, а *ряд отдельных одновременных потоков*: «этот составной поток минувшей истории может быть понят только на основе синоптического взгляда – “сравнительного метода”, – потому что до нашего времени эти отдельные, частные, местные циклы не слились в единый поток, который и мог бы стать предметом единого всеохватывающего повествования». Далее А. Тойнби раскрыл эволюцию собственных поисков «единства», в пределах которых «протекала история», сначала за ее «монаду» взяв масштаб «нации», а затем религии, но отказавшись от них, особенно от последней, ибо «родословная “высших” религий – проповедческих» в первую очередь (христианство, буддизм, ислам) – включала в себя более чем одну цивилизацию, так что они не могли быть истинными монадами. И, наконец, в качестве последней им была взята человеческая ментальность, т. е. человеческая природа, тот психологический настрой, который позволяет человеку определять свое место в окружающем его мире. Ментальность, по мнению ученого, это та самая «действительная культурно-историческая монада: этническая и вместе с тем общественная». Наблюдая в прошлом известные закономерности и некоторую повторяемость, он не воспринимал «модели» событий в качестве роковых, предопределенных «некими свойствами человеческой природы»; этих «моделей» (например, войн, революций, упадка цивилизаций и т. д.) можно впредь избежать, ибо у человеческой природы (при наличии подсознательного уровня) имеются две отличительные способности – это сознательность и способность сделать выбор. При этом «наша свобода выбора достаточно велика, чтобы быть решающей для судьбы нашего рода». Методология истории А. Тойнби, как и школы «Анналов», оказала значительное влияние на историографию, в том числе на отечественную, стимулировав развитие ряда ее современных направлений, например, таких, как историческая психология, а также расширив арсенал методологических принципов (например, аксиологический – ценностный) и методов (например, ис-

торико-антропологический, историко-типологический и т. д.) в исследовательской практике.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем выразилась смена методологических парадигм в научном историческом познании конца XX в., и как это отразилось на методике исторического исследования?
2. Какова сущность цивилизационного подхода и возможности его использования при анализе политической истории России XX–XXI вв.?
3. В чем проявилась цивилизационная новационность учения Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах?
4. Каково содержание методологических подходов В. О. Ключевского к русской истории и возможности их использования на современном этапе?
5. Каким образом А. С. Лаппо-Данилевский считал возможным сочетание номотетического и идиографического подходов к объяснению истории, и что это дало историку?
6. В чем методологическая ценность социальной историософии М. Вебера?
7. Каково содержание нового направления в западноевропейской историографии, нашедшее отражение в методологических подходах школы «Анналов» и А. Тойнби? Охарактеризуйте влияние на формирование принципов и методов исторического исследования.

Лекция 4. Предмет историографии истории политических партий и общественных движений в России

План

- 1. Периодизация историографии истории политических партий и общественных движений России.
- 2. Понятие «партии», классификационных систем и их роли в формировании различных историографических традиций.

1. В историографии предмета выделяются три основных периода: дооктябрьский; советский (с возможными подэтапами: 20-е годы; 30–50-е; 60–80-е годы); современный с выделением

двух подэтапов: *переходного* (конец 80-х – начало 90-х) и *нового* или *постсоветского* (с середины 90-х – по настоящее время). Для досоветской историографии был характерен теоретико-методологический плюрализм и возникновение трех историографических традиций: либеральной, консервативной и социалистической (последняя с определенным разбросом концептуальных оценок, главными из которых стали: неонародническая, меньшевистская и большевистская). Специфическими чертами дооктябрьской историографии были: а) сопричастность происходившим событиям, поэтому многие работы того периода одновременно должны рассматриваться как источники и как историографические факты; б) полемичность (дискуссионность); в) партийность (защита партийных доктрин).

Советскую историографию отличали следующие признаки: политическая ангажированность, когда идеологические убеждения превратились в главный критерий истинности исторического знания; классовый подход к анализу исторических и историографических источников, приведший к утверждению триады «небольшевизм – немарксизм – контрреволюция»; закрепление линейного понимания прогресса и монологизма исторического мышления; перекосы в формировании проблематики научных исследований по предмету в пользу необоснованного выпячивания социально-экономической и революционной тематики с целью обоснования неизбежности и закономерности социалистических преобразований в России. Некоторые ученые, в том числе Ю. Н. Афанасьев, допускают мысль о квалификации советской исторической науки как «феномена репрессированной науки», имея в виду не только репрессированных ученых, но и репрессированные идеи и направления, научные учреждения и центры, книги и журналы, засекреченные архивы¹.

В результате советская историческая наука, в том числе и в рамках изучаемого курса, не востребовала достижений русской исторической мысли начала XX в. и, отгородившись от всего мира пресловутой «критикой буржуазных фальсификаторов», обрела себя на провинциализм.

---

¹ Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 9.

Современную историографию отличают новые качественные параметры:

- а) теоретико-методологический плюрализм, использование различных парадигм научной истории;
- б) изучение характера власти и функционирования ее механизма на основе признания факта цикличности отечественного исторического процесса;
- в) разработка модернизационной парадигмы, представляющей наиболее широкие рамки и допуски в интерпретации политического процесса;
- г) рассмотрение прошлого сквозь призму не одной, как было в советской историографии, а нескольких идеологических систем (либерализма, консерватизма, социализма), понимаемых не как «классовые доктрины», а как «совокупности идей», при этом абстрагируясь от их деления на прогрессивные или реакционные идеологические схемы и зачастую усматривая в политике правящих режимов не одну систему, а их идеологические балансы;
- д) усиление внимания к влиянию ментальных компонентов на политическое поведение различных групп и элит;
- е) возрастание уровня обобщения фактического материала, сближение научных технологий отечественной и западной историографии;
- ж) расширение тематики с одновременным углублением специализации в изучении ее основных сюжетов, появление большого числа научных монографий.

(Примечание: все вышеобозначенные признаки и параметры будут прокомментированы в лекциях по соответствующим конкретным темам).

2. Термин «партия» получил распространение еще в XV–XVI вв., однако в современном звучании его содержание определилось значительно позже, когда в ходе революционного буржуазного цикла произошло возникновение партий, как важнейшего компонента политической жизни общества и как инструмента в борьбе различных политических сил за выбор направлений, форм и путей движения общества к более высокому уровню его развития. Сегодня определение понятия «партии»

звучит еще более лаконично: *политическая партия* – это инструмент, который выражает интересы определенной социальной группы(групп) и(или) идеологию и стремится к власти для их реализации¹.

Уже в дооктябрьский период развития историографии был сформулирован ряд проблем, оказавшихся в центре внимания авторов, в большинстве своем являвшихся партийными идеологами (*П. Н. Милуков, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, В. И. Ленин, П. Б. Струве, В. М. Чернов* и т. д.). *Прежде всего*, формирование партий рассматривалось как процесс, весьма неравнозначный в пространственном отношении и длительный во временном измерении. *Во-вторых*, анализу подвергались условия и предпосылки их образования; общепризнанными (для России начала XX в. во многом желательными) были: определенный уровень развития политической культуры («сознательности» тех или иных слоев); достаточно развившийся процесс социальной дифференциации («углубление классовых противоречий» – в большевистской риторике); нарушение баланса политических сил. При этом либералами и неонародниками был поставлен вопрос о своеобразии предшествующего социально-политического и экономического развития страны, о специфике ее культурных и духовных традиций. Особенно многомерным в этой связи выглядел спектр предложенных вариантов грядущих преобразований и путей их реализации. *В-третьих*, предпринимались попытки классификации партий; сложилось несколько типов классификационных систем, различия между которыми были связаны, как правило, с идеологическими установками тех или иных авторов: а) дифференциация по классовому образу жизни, согласно которому все партии подразделялись на помещичьи, буржуазные (в первую очередь – кадеты), мелкобуржуазные (эсеры и меньшевики), пролетарские (большевики); б) по отношению к существующему режиму и методам действия³, в соответствии с чем партии группировались следующим образом: революционные (социал-демократы и эсеры), либерально-демок-

---

¹ Политология / под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. М.–СПб., 2005. С. 207.

² Ленин В. И. Политические партии в России // Полн. собр. соч. Т. 21.

³ Мартов Ю. О. Политические партии в России (1906). М., 1917.

ратические (кадеты, партия демреформ, партия мирного обновления и т. д.), умеренно-консервативные (Союз 17 октября, торгово-промышленная партия и др.), реакционно-консервативные (Союз русского народа, Русская монархическая партия, Русское собрание и т. д.); в) по принципу «мировоззренческой свободы и гражданственности» (П. Н. Милюков: кадеты – Партия Народной свободы); по существу, это было деление по содержанию политической стратегии партий и их самоидентификации, что оказалось востребованным на современном этапе.

В дооктябрьский период начала складываться еще одна классификационная система партий и общественных движений – по уровню их «почвенности» («народности»), корнями уходившая в извечный спор между славянофилами и западниками. К «почвенным» – неонародническим партиям безоговорочно относили эсеров¹, к западническим – либералов и социал-демократов².

Вышеобозначенные вопросы, связанные с обоснованием предмета читаемого курса историографии, получили развитие на современном этапе. Прежде всего, были уточнены предпосылки и особенности возникновения политических партий в России в связи с углубленной разработкой модернизационной парадигмы применительно к условиям России конца XIX – начала XX вв. Рассмотрение российских партий в качестве «продукта общемирового процесса модернизации»³ позволило систематизировать особенности не только их возникновения, но и функционирования, а также дать некоторые прогнозы развития многопартийности в новых условиях. Более того, углублялась характеристика своеобразия политического поведения партий и их элит в связи с использованием в качестве методологического ключа теории переходного состояния России («расколотой цивилизации»), обусловившего появление и в начале, и в конце XX в. самых разных идеологических моделей, по объему,

---

¹ См., напр.: *Маслов П. П.* Народнические партии // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914.

² См., напр.: *Гарденин Ю.* (Чернов В. М.) Маркс и Энгельс о крестьянстве: историко-критический очерк. М., 1906.

³ См.: *Шелохаев В. В.* Многопартийность в России: общее и современное // Россия в новое время: единство и многообразие в историческом развитии. М., 2000. С. 117–120.

смыслу, направленности, во много раз превосходящих реально существующие альтернативы общественного развития страны¹. И, наконец, на современном этапе уточнены системы квалификации партий, в частности распространение получил критерий доктрины², тождественный принципу самоидентификации, позволяющему выделить три мощных блока партий: консервативные (традиционалистские), либеральные, социалистические – с дальнейшей их градацией внутри каждого блока «слева направо» или наоборот. Сегодня получила развитие и типизация партий в зависимости от положения в политической системе: партии правительственные и оппозиционные³. В свою очередь, оппозиция подразделяется на системную («конструктивную», «умеренную») и внесистемную («непримиримую»)⁴.

Контрольные вопросы и задания

1. Каковы основные этапы развития историографии истории политических партий и общественных движений России? Охарактеризуйте содержание и отличия.
2. Разберитесь с понятием «партия». Одно из первых определений политических партий дал в 1770 г. Э. Берк: «партия – это группа людей, объединившихся, чтобы совместными усилиями на основе тех или иных разделяемых ими принципов обеспечить совместными усилиями общенациональный интерес». Проследите динамику трансформации определения, сравните с последующими:
  - а) партии – это «общественные организации, опирающиеся на добровольный прием членов, ставящих себе целью завоевание власти для своего руководства и обеспечение членам соответствующих условий (духовных и матери-

---

¹ См., напр.: Крайности истории и крайности историков. М.: РОССПЭН, 1997. С. 11–12; Политические партии России в контексте ее истории. Введение. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

² *Санистебан Л. С.* Основы политической науки. М.: Владан, 1992; *Шелохаев В. В.* Указ. соч.

³ См., напр.: Власть и оппозиция: российский политический процесс XX столетия. М., 1995 и др.

⁴ См.: Политические партии России в контексте ее истории. Гл. 4. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

альных) для получения определенных материальных выгод или личных привилегий, либо и того и другого одновременно» (Макс Вебер, 1919).

б) партия (определение 1902 г.) – это «организация революционеров, способная обеспечить энергию, устойчивость и преимущество политической борьбы; ...чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, ...тем прочнее должна быть эта организация.., такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью...» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 105, 124*); 1921 год: «Марксизм учит.., что только политическая партия рабочего класса, т. е. Коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать... авангард пролетариата... т. е. руководить им политически, а через него руководить всеми трудящимися массами. Без этого диктатура пролетариата неосуществима» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 94*).

в) «Компартия... своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность» (июль 1921 г.; – *Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 5. С. 72.*) Сделайте выводы.

3. Какие классификационные системы по типологизации российских политических партий сложились в начале XX в. в историографии? Их содержание на современном этапе.
4. Как вопрос об особенностях процесса формирования российских политических партий получил отражение в историографии? Проследить динамику.

Тема 2. Историография российского либерализма

Лекции 5–7

План

- ⋮ 1. Зарождение историографической традиции освещения российско-го либерализма в дооктябрьский период. Плюрализм оценок.
- ⋮ 2. Советская историография российских либеральных партий.
- ⋮ 3. Новые подходы в отечественной историографии к истории россий-ских либералов.

1. Среди значительного массива работ, написанных в нача-ле XX в. и посвященных российскому либерализму, выделя-ются произведения самих либералов, большинство из которых были непосредственными участниками описываемых событий (*И. Петрункевич, П. Н. Милюков, М. М. Винавер, В. Д. Набо-ков, А. С. Изгоев, Н. А. Гредескул, П. Б. Струве* и др.). Поэтому их работы являются одновременно и историографическим фак-том, и источником. Они несли интересную фактическую инфор-мацию, но в то же время содержали оценки и характеристики, выходявшие на уровень концептуальных обобщений.

Прежде всего, либерализм начала XX в. рассматривался ими как феномен, возникший в дворянской среде; будучи производ-ным земского либерализма, он, по мнению И. П. Белоконского, автора труда «Земство и Конституция»¹ на том этапе выражал «интересы всех прогрессивных сил» русского общества. *Во-вто-рых*, критикуя марксистскую теорию социального прогресса, особенно предписанный им революционный метод историческо-го действия, данные авторы (*П. Б. Струве, М. И. Туган-Бара-новский* и др.) обосновали эволюционную парадигму развития общества, даже в сложных условиях модернизационного тупика начала 90-х годов. *В-третьих*, рассматривались проблемы, свя-занные с популяризацией общедемократического содержания партийных программ либеральных партий, раскрытием пони-мания их роли, в первую очередь кадетов, как внеклассовой си-

---

¹ *Белоконский И. П.* Земство и Конституция. М., 1910.

лы, выражавшей интересы всех слоев общества. В-четвертых, большое внимание уделялось освещению деятельности кадетской партии, подчеркивался ее оппозиционный по отношению к правительству характер, формы и методы действий партийных фракций в Государственных думах (М. М. Винавер, А. И. Каминка, В. Д. Набоков, А. А. Кизеветтер и др.) В-пятых, в их работах нашел отражение процесс разработки теоретической модели правового государства, определения основных черт, сущности и взаимодействия различных ветвей будущей демократической власти, условий ее легитимности. (П. Н. Миллюков, А. А. Кизеветтер и др.) В-шестых, одновременно ставился вопрос об уровне сочетания либеральных и традиционных ценностей; более того, некоторыми авторами (как правило, октябристами) пропагандировалась модель взаимоотношений между общественными структурами и властью, основанная на конструктивизме (А. И. Гучков, Д. Н. Шипов, В. М. Петрово-Соловово и др.).

В период первой российской революции либеральные партии оказались в центре политической жизни. Общественным сознанием они воспринимались неоднозначно, особенно партия конституционных демократов. С точки зрения правительства, консерваторов партия кадетов воспринималась как левая, согласно оценкам лидеров РСДРП, эсеров – как правая политическая сила. Такие теоретики русского консерватизма, как Л. А. Тихомиров, К. Леонтьев и др., с одной стороны, признавали необходимость «положительной программы» борьбы с бюрократией, реформ «сверху», расширения общественных свобод, с другой – резко отрицательно относились к кадетской платформе «вестернизации», их приверженности к европейским формам демократии как прообразу будущего государственного устройства России.

Определенное внимание освещению деятельности кадетов в тот период уделяли неонароднические публицисты (С. И. Бондарев, Л. М. Брамсон, Т. В. Локоть, И. И. Субботин и др.) в связи с работой кадетской фракции в первой–второй Государственных думах и ее аграрным проектом; последний, естественно, подвергался серьезной критике, как и партия в целом. В оценочном ключе характеристику ей дал профессор Т. В. Локоть¹, в свое

---

¹ Локоть Т. В. Первая дума. Статьи, заметки и впечатления. М., 1906. С. 109, 119.

время бывший депутатом I Думы. Он назвал партию кадетов конституционной, но не демократической на том основании, что в революционный период конституционно-демократическая партия не могла не быть революционной, причем – «стихийно революционной».

Аналогичные оценки характера деятельности либеральных партий, в частности кадетов, имели место и в работах социал-демократических авторов, хотя уровень критики, содержащийся в меньшевистской и большевистской литературе, был различным. Авторы – меньшевики (*Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, А. Н. Потресов* и др.) исходили, *во-первых*, из того, что либеральная буржуазия являлась активной оппозиционной силой в борьбе с самодержавием, и связывали развитие революционного процесса в значительной степени с ее деятельностью. Как заметил Г. В. Плеханов еще в 1892 г., «только два направления могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое»¹. Причем, в определенной степени оппозиционности меньшевики, в частности, авторы статьи (*Ф. И. Дан и Н. Череванин*) «Союз 17 октября» специального издания «научного характера» «Общественное движение в России в начале XX века»² не отказывали и октябристам, не исключив их из либерального лагеря. *Во-вторых*, партию кадетов авторы-меньшевики однозначно считали демократической. В статье, помещенной в вышеобозначенном издании и посвященной конституционным демократам (кстати, с данной статьи начинался третий том), ее автор (*А. С. Мартынов*) дал развернутую характеристику кадетской программы, сделав вывод о том, что программа была рассчитана на объединение демократии, не идущей под определенно социалистическим знаменем³. *В-третьих*, с присущей марксистским аналитикам определенностью меньшевистские авторы пытались оценить социальную природу кадетской партии и характер видения ею формулы социального прогресса для России. Тот же автор назвал кадетов партией «нового третьего сословия», приверженцами «социальных ре-

¹ Плеханов Г. В. Собр. соч. В 3 т. М., 1923. Т. 3. С. 138.

² См.: Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. 3. Кн. 5.

³ Там же. С. 4–5.

форм», сторонниками «буржуазного прогресса», приветствуя их требования знаменитой «4-х-членной формулы» выборов, «8-часового рабочего дня, принудительного отчуждения частновладельческих земель»¹.

Иные оценки либералов содержались в работах большевистских авторов (*В. В. Воровского, А. В. Луначарского* и др.) и главным образом *В. И. Ленина*, сыграв главную роль в формировании весьма мощной историографической традиции, ставшей единственной в советской России и выполнявшей, скорее, не научную, а идеологическую функцию. В условиях первой русской революции Ленин оценивал либералов в свете своей концепции трех политических лагерей (правительственного, революционного и промежуточного – либералов), жестко оговорив характер тактики последних названием статьи «Пока пролетариат борется, буржуазия крадется к власти»². В период бурных революционных потрясений Ленин был еще в какой-то степени корректен по отношению к идейным противникам, допуская наличие у них элементов оппозиционности и желание «освободить» Россию «сверху»³, но «не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков...». Однако оставаясь на позиции строго классового подхода и в целом оценивая либералов как «идеологов буржуазии, ...которая боится революции», Ленин предрек историческую бесплодность либерализма и в конечном итоге его контрреволюционность. Причем, согласно оценкам вождя, уровень «реакционности» либералов, в том числе и кадетов, возрастал по мере усиления интенсивности нападков на них слева.

Таким образом, в дооктябрьский период начали формироваться несколько историографических традиций освещения проблемы. Это многообразие, как правило, было связано с различием идеологических позиций, мировоззренческим плюрализмом авторов, принадлежавших к тем или иным политическим (партийным) группировкам или разделявших их взгляды и предпочтения. К сожалению, в России после октябрьских (1917 г.)

¹ Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. 3. Кн. 5. С. 1–4.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11.

³ Там же. Т. 20. С. 175.

событий получила развитие лишь большевистская концепция. Остальные были вытеснены вместе с их носителями за пределы Родины и реализовывались в трудах эмигрантов, а со временем – трудах западных ученых.

2. Второй период историографии проблемы связан с утверждением и функционированием однопартийной политической системы. Он характеризуется наличием одной методологической парадигмы (марксистско-ленинской) в исследованиях отечественных историков, предопределившей отношение к кадетам, по существу единственной литеральной партии, сохранившей свой статус на момент октябрьских событий, как к контрреволюционной силе. Принятием Совнаркомом 28 ноября 1917 г. «Декрета об аресте вождей гражданской войны» кадеты объявлялись партией врагов народа, члены ее руководящих учреждений подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов.

В советской историографии утвердились подходы, превращенные с помощью официальной идеологии в «научные» штампы: классовость стала основным критерием в оценке характера деятельности кадетской партии, как партии «буржуазной», реакционной. Данные оценки содержались в работах авторов 1920-х годов: С. Е. Сефа, С. Г. Томсинского, В. Стального и других, посвященных анализу программы и тактики либеральной буржуазии в годы революции 1905–1907 гг. и признававших ее действия «заодно с царизмом». Среди работ этих лет обособленной выглядит позиция М. Н. Покровского, не рассматривавшего либеральную буржуазию в качестве самостоятельного политического лагеря, а включавшего ее в структуру общего оппозиционного фронта наряду с революционной демократией¹. Обратил он внимание и на размежевание в либеральной среде, связывая кадетов с либеральной интеллигенцией и прогрессивной промышленной буржуазией, а октябристов с интересами более консервативной торгово-финансовой ее части.

В последующие годы в отечественной исторической науке утвердилась сталинская интерпретация изучаемой проблема-

---

¹ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. М., 1924. С. 134–135.

тики. «Краткий курс истории ВКП(б)»¹ закрепил положение о контрреволюционности всей либеральной буржуазии, соглашение с которой считалось равносильным предательству народа. Официально закрепился возобладавший в 30-е годы взгляд на противостояние в первой русской революции двух политических лагерей – пролетариата и крестьянства против царизма, помещиков и буржуазии. Проблематика либеральных партий «растворилась» в последнем. После опубликования в 1939 г. работы *Е. Д. Черменского* «Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг.»², который попытался выявить место и состав либерального лагеря в системе политических сил периода революции и показать различия между кадетами и октябристами, либеральная проблематика по существу не разрабатывалась вплоть до конца 50-х годов. Основное внимание историков было сосредоточено на освещении борьбы большевиков со всеми другими российскими партиями и течениями.

Критика культа личности Сталина, попытка переосмысления отдельных исторических фактов усилили интерес к изучению непролетарских партий в конце 50-х – 70-е годы. Восстанавливалась ленинская концепция трех политических лагерей в первой русской революции, что повысило интерес к истории либерализма в России. Вышел ряд работ историков (*Н. П. Куреев, М. С. Симонова, К. Ф. Шаццлло, С. В. Тютюкин* и др.), которые, оставаясь в рамках марксистско-ленинской парадигмы, расширили границы (масштабы, направления) изучения российского либерализма. И хотя он по-прежнему не рассматривался как самостоятельное явление, а поражение либералов в политической борьбе оценивалось как закономерный результат, изначально заложенный в реформистской теории и практике, но, тем не менее, был сформулирован ряд вопросов, позволивший углубить имевшееся знание по проблеме.

Прежде всего, либерализм стал рассматриваться как целостное явление, корнями уходящее в земский либерализм, т. е. была поставлена проблема взаимосвязи «старого» пореформен-

---

¹ История ВКП(б). Краткий курс. М.: Огиз, 1938.

² *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М., 1939.

ного земского либерализма с «политическим течением российской буржуазии» накануне и в период первой русской революции (К. Ф. Шаццлло, Н. М. Пирумова и др.) Авторы (Н. М. Пирумова и др.), в известном смысле, восстановив дооктябрьскую либеральную историографическую традицию, обосновали вывод о том, что земство 1864–1895 гг. выражало многообразие либеральных идей и являлось организационной базой русского либерализма в целом, при этом оно было подвержено влиянию народничества, в идеологическом смысле находясь на платформе либерально-народнических взглядов. Во-вторых, была уточнена периодизация процесса становления либерализма в России как комплексного явления идеологии, политики и организации (К. Ф. Шаццлло и др.). В своей монографии «Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.»¹ К. Ф. Шаццлло одним из первых обратил особое внимание на «новый либерализм», появившийся в России к началу XX в. и ведущий свое начало от «легального марксизма», в лице которого впервые проявили себя силы, непосредственно связанные с буржуазией, активно включившиеся в политическую борьбу и попытавшиеся соединить свою судьбу не с правительственными силами, а с либеральным движением. Согласно точке зрения Шаццлло, кроме традиционного земского либерализма, в начале XX в. в России появился «новый либерализм», отличавшийся радикализмом программы и тактики («освобожденчество»), приобретающий конституционный характер и при необходимости не гнушавшийся нелегальщиной, хотя и сохранивший теснейшие контакты с земским либерализмом. Таким образом, авторы обосновали мысль о том, что на смену традиционному земскому либерализму, постоянно апеллировавшему к верховной власти, к 1904–1905 гг. приходит «новый либерализм». В-третьих, был опубликован ряд работ (П. Н. Киреева, С. В. Тютюкина, В. В. Шелохаева и др.), авторами которых предпринималась попытка выявить уровень оппозиционности российских либералов, в частности кадетов накануне и в ходе первой русской революции, т. е. была поставлена проблема характера переплетения оппозиционных и

---

¹ Шаццлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: организация, программа, тактика. М., 1985.

соглашательских тенденций в программных установках и тактической линии либералов, хотя объективно в тех условиях она не могла быть решена. И в этой связи примечательна судьба сборника «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония»¹ (Члены редколлегии: Л. М. Иванов – отв. ред., М. С. Волин, Ю. И. Кирьянов, К. Н. Тарновский). Он был выполнен представителями так называемого «нового поколения», т. е. реформаторски настроенными историками-коммунистами, поверившими в необратимость перемен, начавшихся «развенчанием культа личности Сталина»². Будучи приверженными наивной апологии революции, тем не менее они пересмотрели вопрос о степени зрелости предпосылок для нее, а это повлекло переосмысление ряда аспектов: менее монолитным и революционным стал выглядеть рабочий класс, больше внимания уделялось противоречиям и конфликтам между самодержавием и «буржуазными» кругами, выявились большая стихийность масс и (главное!) моменты, когда гегемония от рабочего класса переходила к «буржуазной» оппозиции; вообще вклад в освободительное движение «мелкобуржуазных» и «либеральных» партий получил известное признание. На данное издание обрушился огонь критики (публикация специальных статей в журналах «История СССР». 1973. № 4; «История КПСС». 1972. № 9) и, как всегда, были приняты организационные меры: профессор П. В. Волобуев был освобожден от обязанностей директора Института истории АН СССР и на долгие годы вообще «отлучен» от истории, а сектор истории СССР периода империализма переструктурирован в сектор «Истории трех российских революций». Определенным гонениям подверглись историки и на местах, занимавшиеся аналогичной проблематикой, в том числе ученый Ю. И. Серый, преподаватель исторического факультета РГУ.

В-четвертых, сама логика изучения истории политических партий либерального направления в период первой российской революции привела к тому, что исследователи начали разрабатывать вопросы их социального состава и численности. Это, в

¹ Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970.

² См. подр.: *Поликарпов В. В.* «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 349–350.

первую очередь, монографии В. В. Шелохаева о партиях кадетов и октябристов в революции 1905–1907 гг. Исходя из признания указанных лет в качестве переломного этапа в истории русского либерализма, выразившегося в завершении поисков программных и тактических установок, и превращения его из идеологической и политической партии, в широком смысле, в блок чисто буржуазных политических партий, автор использовал систему методик для воссоздания полной картины и численного состава партий и их территориального размещения.

В-пятых, уже в этот период развития историографии был получен ответ на дискуссионный вопрос о месте октябристов в системе либеральных политических партий (В. В. Шелохаев, К. Ф. Шаццлло и др.): в своей программе они выражали по преимуществу «фракционные» интересы умеренно либеральных помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии. Названные отличия предопределили место октябристов на правом фланге либерального лагеря, что стало достоянием научной мысли и последующего этапа историографии.

В-шестых, была предпринята попытка изучения либералов в комплексе с другими российскими партиями (Л. М. Спиринов, Е. В. Иллерицкая, О. В. Волобуев, М. И. Леонов и др.) в контексте решения ими тех или иных проблем (аграрной и т. д.) и в более широких временных рамках: деятельность в годы первой мировой войны (Н. Г. Думова и др.), в четвертой Государственной думе (А. Я. Аврех) и т. д.

Таким образом, к концу 80-х годов усилиями исследователей, невзирая на сохранение определенных стереотипов советской историографии, были детально проанализированы структура, эволюция, программы и тактика российского либерализма начала XX в. Особенно важным был вывод о том, что: 1) период между 1895 и 1905 гг. был временем завершения организационного формирования либерализма, прошедшего путь от земств к политическим партиям (К. Ф. Шаццлло, Н. М. Пирумова и др.); 2) было обращено внимание на то, что в условиях нарастающей революционной волны, стремительного формирования правого и левого крыльев либерального движения либералы пытались добиться политического и идеологического влияния на массы, стать самостоятельной силой в политической борьбе и реформи-

ровать Россию, придав ей облик буржуазно-конституционного государства (*В. В. Шелохаев*).

Но наряду с этим следует иметь в виду, что, *во-первых*, вся литература о либеральных партиях России начала XX в. появилась не в результате признания самоценности русского либерализма, а лишь в связи с изучением их как политических противников большевиков. *Во-вторых*, это определило и идеологизированный подход к способу подачи материала и отбору фактов, а также зачастую необъективные выводы (по-прежнему порой даже кадеты именовались «антидемократической» и «либерально-монархической» партией). *В-третьих*, не проводилось системного анализа реформистской идеологии в целом, сохранялся тезис об ее ущербности в сравнении с революционной.

3. Третий период развития историографии проблемы начался с рубежа 80–90-х годов. Именно к этому времени усилился процесс накопления новых качественных параметров, обусловленный в значительной степени изменениями политической обстановки в стране, что позволило ряду исследователей к началу 90-х годов поставить вопрос об однолинейности традиционного подхода к рассмотрению истории либеральных партий. Сразу и полностью новые идеи реализовать не могли по двум причинам: *во-первых*, из-за нестабильного состояния общества и, в частности, неотработанности соотношения государственных структур и уровней власти, системы функционирования и взаимодействия возникших политических партий; *во-вторых*, из-за все еще имевшей место ограниченности доступа к источникам.

Позднее, к середине 90-х годов, уже был сделан определенный шаг в анализе теоретических истоков либеральных программ, исследовании идеологии и политической организации либералов (*В. В. Шелохаев, В. А. Кувшинов* и др.). Поставлены и изучаются проблемы: общее и особенное в российском либерализме (или уровне сочетания почвенности и западничества в теоретических конструкциях его идеологов), российский либерализм и проблемы заимствования иностранного опыта (*Л. В. Селезнева*). Авторами вовлечены в научный оборот новые пласты источников, используются новые методологические подходы, позволившие выйти на новый концептуальный уровень.

И, прежде всего, на современном этапе развития отечественной историографической науки наметился объективно-позитивный подход к осмыслению истории либеральных партий. Большая роль в этом процессе принадлежит В. В. Шелохаеву, который, выделив основные направления (правое, центр, левое) внутри либерального лагеря, рассматривает всю историю русских либералов через раскрытие главной системообразующей черты их деятельности – приверженности эволюционной парадигме. Во-вторых, заслугой В. В. Шелохаев и других авторов является тот факт, что исследователи сегодня не отмежевывают либерализм от демократии, считая его составной частью освободительного движения в России, в частности – его реформистским крылом. В реализации реформистского пути развития выделяются две альтернативы: правительственная и либеральная, при этом последнюю рассматривают через два направления – кадетское и октябристское. Данная позиция получила дальнейшее развитие в коллективных трудах по истории политических партий, в учебных пособиях. В-третьих, авторы (В. В. Шелохаев, Н. Г. Думова, Л. Б. Павлов, С. В. Тютюкин и др.) считают, что в российской структуре политических сил кадеты заняли определенное место: «на самом левом фланге либерального лагеря»¹, а их программа представляла собой радикально-демократический вариант парламентского решения всего комплекса вопросов российской действительности, причем аграрный вопрос в ней был разработан наиболее обстоятельно. Данными авторами была выделена и другая характерная черта партии кадетов, как партии интеллектуалов, аккумулировавшей в своих рядах цвет российской интеллигенции начала XX в., мечтавшей о преобразовании страны парламентским путем и на основе общечеловеческих ценностей. Правый фланг российского либерального лагеря связывают с «Союзом 17 октября» вместе с примыкавшими к нему партиями и организациями.

В-четвертых, всесторонне анализируя либеральную альтернативу в ее целостности и, одновременно, вариативности, исследователи (В. В. Шелохаев, Н. Г. Думова, С. В. Тютюкин) пришли к определенным выводам: а) в 1907–1914 гг. завершился про-

---

¹ См.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 88–90.

цесс формирования либеральной идеологии, присовокупившийся к организационному и тактическому самоопределению либералов в предыдущие годы, это позволило говорить о русском либерализме как о самостоятельном (самодостаточном) явлении не только российской общественно-политической мысли, но и политической жизни в целом; б) одновременно уточнялось содержание различных направлений либерализма в доктринальном смысле и плане ценностных предпочтений; было показано, что в социальных теориях кадетской партии концентрированно отразились коренные интересы российской цензовой интеллигенции и близких к ней кругов буржуазии, тогда как идейная платформа октябристов и прогрессистов отражала сиюминутные интересы капитализированных помещиков и крупной буржуазии. С этой точки зрения, как считают некоторые исследователи (*В. В. Шелохаев*), система идей октябристов и прогрессистов не носила теоретически оформленного характера. Другие же авторы (например, *Е. В. Шандулин*, защитивший в 2004 г. кандидатскую диссертацию) полагают, что возможно применение термина «октябризм» как самодостаточного понятия, обозначающего идеологию октябристов, имевших свой политический и культурный идеал¹, во многом строившийся на сочетании либеральных и традиционных ценностей.

В-пятых, использование новых методологических подходов в исследованиях, в частности аксиологического, согласно которому значимость исторического события ставится в зависимость от «ценностей» – априорных норм в сферах нравственности, этики, морали, позволило авторам создать серию политических портретов наиболее значимых либералов. Выделяется монография М. Г. Вандалковской, в которой освещена научная и политическая деятельность двух крупных политиков и историков России – П. Н. Милюкова и А. А. Кизеветтера. Впервые автор не обвинила кадетов в «шараханье» вправо и влево в духе пресловутой теории трех политических лагерей, сделав вывод о том, что кадетам, в частности П. Н. Милюкову, принадлежит особая роль проводника так называемой средней линии в поли-

---

¹ См.: *Шандулин Е. В.* Партия «Союз 17 октября»: процесс идеологического самоопределения: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 11.

тической борьбе, и это и есть единственно возможный путь для либерала. Традиция создания политических портретов реализуется и в коллективных монографиях¹, и в статьях (А. В. Соболева, С. В. Шелохаева, Н. Г. Думовой, Н. В. Канищевой и др.)

В-шестых, в разработке проблемы на современном этапе заметно не только расширение тематики с одновременным углублением специализации в изучении ее основных сюжетов, но и сближение научных технологий западной и отечественной историографии. Как известно, зарубежная историография в значительной степени основывалась на эмигрантской литературе, тем самым развивая сложившиеся в дооктябрьский период историографические традиции, в частности – либеральную. Стало правилом включать в историографические обзоры монографий и диссертаций соответствующие работы, издававшиеся за рубежом и принадлежавшие перу ученых-историков. По отдельным направлениям, например, струвеведению, общепризнанным является мнение о том, что поворотным моментом в его становлении стала монография американского исследователя Р. Пайпса².

Таким образом, на современном этапе произошел качественный прорыв как в методологическом, так и в концептуальном отношении в историографии российского либерализма, хотя многие исследовательские задачи еще предстоит решать.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие проблемы были поставлены и получили развитие в либеральной литературе дооктябрьского периода?
2. В чем проявился оценочный плюрализм в историографии данного периода в отношении российских либералов? (Дать краткий обзор и сравнить оценки).
3. Охарактеризуйте советскую литературу 20-х годов по проблеме: в чем состояла ее специфика?
4. Как формировалась советская историография истории либерализма в 60–80-е годы? Назвать основные проблемы (тематику) и охарактеризовать уровень их решения.

¹ Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; Российские либералы: сб. ст. / под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. М., 2001.

² См.: Пономарева М. А. П. Б. Струве в эмиграции...: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 8.

5. Какие работы данного периода могут быть названы этапными и почему?
6. Что характерно для современного этапа историографии проблемы в методологическом и концептуальном отношении?
7. Как изменились качественные параметры выполняемых по теме работ?

Тема 3. Историография народничества и неонародничества в России

Лекции 8–9

План

- 1. Складывание историографической традиции освещения народничества и неонародничества в досоветский период.
- 2. Советская историография народничества.
- 3. Формирование новых подходов в 90-е годы XX в.

1. В дооктябрьский период главная роль в зарождении историографической традиции освещения народничества и неонародничества принадлежала идеологам этого движения. Именно на рубеже XIX–XX вв. с принятием названия «социалистов-революционеров» произошло самоутверждение этого направления общественно-политической мысли и движения как массовой практики. Освещение этого процесса, его этапов, истоков, специфики и стало первой и главной проблемой в работах эсеровских авторов (*В. М. Чернова, В. М. Зензинова* и др.). Особую значимость в обосновании теоретико-методологических основ партийной программы и неонародничества в целом, на наш взгляд, имели три работы Чернова, две из которых названы «этюдами»¹, третья также имеет четкую методологическую направленность². Появление работы с таким названием неслучайно: на протяжении всей своей жизни Чернов неоднократно возвращался к социологической схеме Маркса, особенно столкнувшись, по его словам, со «страшной крестьянофобией» в социал-демократических кружках России и бросившись «в бой с марксизмом, апеллируя к самому Марксу»³. *Во-первых*, не отрицая достоверности некоторых элементов его учения (о капиталистическом промышленном производстве), Чернов признал неоправдавшимися многие выводы Маркса:

¹ Чернов В. М. Философские и социологические этюды. М., 1907; *Его же*. Социалистические этюды. М., 1908.

² Гарденин Ю. (Чернов В. М.) Маркс и Энгельс о крестьянстве: историко-критический очерк. М., 1906.

³ Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. Берлин, Москва, 1922. С. 274.

а) жизнь не подтвердила его предположений о гибели мелкокрестьянского хозяйства, которое и в России, и в Европе на «тройное проклятие» ответило тройным «взрывом»: не ликвидировалось, не пауперизировалось, кооперировалось; б) не была до конца оценена «живучесть капитализма» и, наоборот, переоценено его «диалектическое самоотрицание»¹; в) назвав «Манифест» Маркса «кораном ортодоксии»², Чернов упрекнул марксистов в неразработанности конкретных мер по переходу к новому социальному обществу и переоценке возможности автоматического самопревращения капитализма в социализм (будет «дело социализма в шляпе»); г) Чернов не ограничился критикой марксистской схемы, но и обосновал необходимость учета специфики пути к социализму для крестьянства, а именно используя его традиционные взгляды на землю (общинное владение землей и тягу к корпоративизму), тем самым добиваясь развития крестьянских хозяйств и их приобщения к новой цивилизационной форме.

Во-вторых, работы В. М. Чернова этого периода и, прежде всего, его «Этюды...» – это попытка серьезного научно-философского синтеза в обосновании доктрины неонародничества. Этот синтез можно представить условно в виде нескольких принципиально важных положений: а) выделение, вслед за теоретической традицией народничества, особой роли личности (индивидуума, от интересов которого, по его мнению, полностью абстрагировался марксизм), но не пассивно воспринимающей, а активно реагирующей на события; отсюда «творческая мощь социального целого окажется не обратно, а прямо пропорциональна развитию творческих потенций всех отдельных личностей; но все-таки главное – это «психология субъективной стороны человеческого духа»³; б) для планомерного воздействия на стихийно сложившиеся формы общественной жизни нужна революционная партия, обладающая научным эволюционным мировоззрением, живым воплощением исторического творчества, партия именно как конгломерат личностей; в) научно-эволюционное мировоззрение, по В. М. Чернову, предполагало органическое

---

¹ Чернов В. М. Указ. соч. С. 12.

² Там же. С. 25.

³ Чернов В. М. Философские и социологические этюды... С. 214.

сочетание строго научного анализа действительности с выработанным на его основе общественным идеалом, в основе которого должна была лежать, в первую очередь, моральная санкция и который должен был соответствовать «святая-святых» – человеку; именно вокруг него должны формироваться в известном рациональном порядке все стремления и помыслы; отношение к общественному идеалу должно было быть как к некоему символу веры (здесь проявилось влияние на В. М. Чернова известного либерального народника Н. К. Михайловского, учеником которого и считал себя Чернов).

Таким образом, здесь четко прослеживается гуманизм неонароднической историографической традиции, заложенный в трудах его главного теоретика, а именно, особое отношение к личности и принципиальный отказ от классового подхода марксистов, от градации различных социальных групп по степени сознательности, сплоченности и организованности и т. д.

В-третьих, в трудах идеологов неонародничества (прежде всего Чернова – в работе «Маркс и Энгельс о крестьянстве...» и 4-х написанных им проектах программы и комментариях к ним и др.) были разработаны экономические основы данной концепции: а) научно определен особый тип капитализма в России, сочетающий капитализм в промышленности с некапиталистической эволюцией в аграрном секторе; б) крестьянское трудовое хозяйство предлагалось не воспринимать только через сопряжение его с капиталистическими отношениями, а как продукт и результат его собственной инициативы (и поэтому отказаться от используемого марксистами термина «мелкобуржуазное»); в) крестьяне по природе социалистами не являлись, но общинно-корпоративный мир в деревне вырабатывал трудовое самосознание, на которое мог наслоиться социалистический идеал. Тем самым была заложена историографическая традиция обоснования возможности некапиталистической эволюции отдельных хозяйственных секторов, т. е. намечился отход от жесткой антиномии «капитализм – социализм», присущей марксизму, и поставлен вопрос о роли «третьей силы» в нравственной жизни мировых цивилизаций.

Отечественные либералы весьма скупо освещали историю партии эсеров. П. Н. Милюков и П. Б. Струве называли эсеров самой революционной из всех русских партий и считали, что в

основе ее тактики лежала политическая наивность, доходившая до веры в чудеса «и стремление двигать людьми, как автоматами, а не учить их двигаться»¹. Этот безумный радикализм, по мнению П. Б. Струве, задержал аграрную реформу Столыпина. Либералы поддерживали любые устремления эсеров к парламентаризму и более взвешенным действиям². Интересную информацию об отношении к кадетам лидера эсеров В. М. Чернова привел в своей статье о кадетам в сборнике «Общественное движение в России в начале XX века» меньшевик А. Мартынов, процитировав Чернова, который, согласно этой информации, был не против «легализации» кадетов у власти и «бить тревогу в отличие от социал-демократов по этому поводу» не собирался³.

Почти одновременно с эсеровской закладывалась и социал-демократическая традиция освещения истории неонародничества в России с определенной градацией оценочных оттенков у меньшевистских и большевистских авторов. В работах первых⁴ выделялись главным образом, две положительные ипостаси неонародников: а) преемственность их программных установок и деятельности с народничеством 70-х годов XIX в., особенно с «Народной волей», т. е. эсеры рассматривались как открыто революционная партия; б) признавалась попытка их идеологов выявить специфику развития России и вопреки западно-европейскому опыту обосновать возможность движения крестьян к социализму. Одновременно в духе марксистской ортодоксии отрицательно характеризовались: вера эсеров в мессианизм русского народа, использование террора в арсенале тактических средств борьбы, а также попытки в теоретической части программы критиковать марксизм, тем самым смыкаясь с «ревизионистским течением в Германии» («бернштейнианством»)⁵.

---

¹ Миллюков П. Н. Вторая дума: публицистика, хроника. СПб., 1908. С. 194.

² Струве П. Б. Patriotica. СПб., 1911. С. 10, 56–58.

³ Мартынов А. Партия конституционных демократов // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914. С. 83.

⁴ См. напр.: Мартов Ю. О. Красное знамя в России. Женева, 1900; Маслов П. П. Народнические партии // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914. С. 91–96.

⁵ Маслов П. П. Народнические партии // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1913. С. 91.

Большевистские авторы, в частности В. И. Ленин, сосредоточили усилия на изобличении социализма эсеров. Как известно, В. И. Ленин вел длительную дискуссию с В. М. Черновым в работе «Материализм и эмпириокритицизм»¹, многократно повторяя тезис о ненаучности, вредности, «мелкобуржуазности» социализма и тактики этой партии. В особую вину эсерам ставили «затушевывание классовых различий между пролетариатом и крестьянством, внесение раскола в пролетарские ряды». Появление партии эсеров, по Л. Б. Каменеву, было вызвано специфическими интересами двух сил, «не имеющих социалистического будущего: интеллигенции и крестьянства»². Более всего доставалось аграрной программе эсеров за «трудо-вое начало», «уравнительность», «социализацию» земли: обвинения следовали по линии признания ее «утопичности» и «реакционности», хотя большевики не отрицали революционность данной партии, но одновременно подчеркивали авантюризм тактики.

Таким образом, в досоветский период сложилось несколько историографических традиций освещения истории эсеровской партии, однако затем в рамках отечественной историографии утвердилась лишь большевистская концепция.

2. Ожесточенная идеологическая конфронтация, утверждение однопартийного режима и искоренение инакомыслия (не последнюю роль в этом сыграл сфальсифицированный в 1922 г. судебный процесс над эсерами), начало реализации большевистской парадигмы социализма в стране с преобладанием крестьянского населения обусловили характер и содержание работ советских авторов о ПСР. Пока место историков-профессионалов заняли партийные публицисты: А. В. Луначарский, В. Н. Мещеряков, Ю. М. Стеклов, Е. М. Ярославский и т. д. Многие их работы датировались 1922 г., т. е. публикация приурочивалась к суду над эсерами, поэтому и их названия³, и содержание были политически ангажированы: клеймили предателей народа, их

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16.

² Каменев Л. Б. Между двумя революциями. М., 1923. С. 199.

³ См., напр.: Луначарский А. В. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922.

превращение в «контрреволюционеров» и т. д. И все-таки с определенными оговорками в этих работах признавалась приверженность эсеров к отдельным постулатам марксизма до Февраля 1917 г.; в частности: а) идее революции и необходимости партии, вносящей социалистическое сознание в массы; б) правомерности требования эсеров о конфискации помещичьей земли и передаче ее крестьянам; в) идее классовой солидарности рабочих и трудового крестьянства. После Октября, согласно данным авторам, эсеры стали «пособниками реакции».

В 30-е и последующие годы идеологический прессинг усилился. Суть всего народничества с помощью «Краткого курса истории ВКП(б)» была определена как «злейший враг марксизма». Партия эсеров была лишена каких-либо намеков на прогрессивность и народность. Названия брошюр, статей варьировались в диапазоне от «крах народничества» до «разгром народничества марксизмом». Тематика народничества и неонародничества не разрабатывалась.

С рубежа 50–60-х годов началось некоторое оживление исследовательской мысли в рамках ренессанса ленинских идей. Было опубликовано множество сходных по содержанию статей и работ о критике или борьбе Ленина, большевиков с эсерами¹. Выделялась книга К. В. Гусева «Крах партии левых эсеров»². Находясь в рамках марксистской методологии в ее советской интерпретации, автор тем не менее ввел в научный оборот понятие «левого крыла буржуазной демократии» и признание наличия некоторых положительных элементов в программе и тактике партии; хотя последняя продолжала подаваться как главный объект критики («авантюризм»). В этой и других работах сохранялось суждение о народничестве в целом как типичной ветви общественной мысли России, главным оценочным критерием эсеров стало понятие «мелкобуржуазности» с одновременным отнесением их к революционному лагерю на этапе буржуазно-демократической революции. С 70-х годов изучение «непролетарских» партий вообще и партии эсеров в

---

¹ См., напр.: *Марагин М. М.* Борьба В. И. Ленина против идеалистической теории личности народников и эсеров. М., 1957.

² *Гусев К. В.* Крах партии левых эсеров. М., 1963.

частности активизировалось, был проведен ряд симпозиумов¹. В качестве характерных черт литературы этих лет можно выделить следующие: 1. Проанализирован состав, социальная база партии, сделан вывод о том, что ПСР, будучи выразительницей интересов зажиточного крестьянства и мелкобуржуазных слоев города, неслучайно оформилась на рубеже XIX–XX вв., когда в преддверии буржуазной революции эти слои оживились (*М. И. Леонов, К. В. Гусев, Н. Д. Ерофеев* и др.); К. В. Гусев обратил внимание на преобладание в партии эсеров до 70 % «разночинной» (земской) интеллигенции. 2. Была охарактеризована социальная концепция партии через обстоятельное изучение ее программы, дискуссии по поводу ее принятия на I съезде ПСР [29.12.05–5.01.06] и соответственно возникновение левого (будущие максималисты) и правого (будущие народные социалисты) крыльев. 3. Особо подчеркивалась непоследовательность теоретических постулатов (кредо) партии, в частности критиковалась «претензия» эсеров на представление собственной партии как партии «всего трудового народа», что рассматривалось как «попытка» создания «надклассовой» партии, кстати, чем и объясняли в значительной степени ее массовость. 4. Однозначно не воспринималась позиция лидеров ПСР по вопросу о характере революции в России, в частности непризнание ими необходимости ее социалистического этапа и обозначение ее содержания как народно-трудовой. Последнее оценивалось как социальный утопизм, к которому присовокупляли утопизм в экономических вопросах (уравнивательность, социализация земли), а в чем-то и реакционность (призыв крестьян к накопительству). Все это, по мнению авторов тех лет, предопределяло крах партии, уход ее с исторической арены. Неслучайно основная монография К. В. Гусева называлась «Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции»². 5. Произошло расширение проблематики в тематических и географических границах. Были опубликованы монографии, посвященные другим неонарод-

¹ См. подробнее: *Волобуев О. Л., Леонов М. И., Уткин А. И., Шелохаев В. В.* История политических партий периода первой российской революции в новейшей советской литературе // Вопросы истории. 1985. № 7.

² *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.

ническим партиям: энесам¹, трудовикам в аналогичный период (Д. А. Колесниченко), эсерам – максималистам (Д. Б. Павлов). Интересные результаты были достигнуты в исследованиях о деятельности эсеров Сибири, Поволжья, Урала (М. И. Леонов, А. Л. Афанасьев и др.).

Таким образом, на протяжении более чем 70 лет в рамках марксистско-ленинской парадигмы советские историки пытались, как это всегда декларировалось, на основе использования принципов объективности, историзма и партийности представить историю партии, в программе которой даже Ленин находил нечто реальное, революционное, признавая наличие определенных масс, которые шли за ними, «мнили себя солидарными с ней»². К сожалению, на всех этапах советской историографии партии эсеров было отказано в главном – в признании их версии социального прогресса для России конкурентоспособной «пролетарскому социализму» большевиков. Иногда учеными вносились те или иные коррективы в изучение отдельных вопросов, но в целом характеристика партии как «мелкобуржуазной», а со временем и «контрреволюционной», была незыблемой.

3. На рубеже 80–90-х годов начался новый (современный) период развития отечественной историографии, который представлен двумя подэтапами: переходным (рубеж 80–90-х – начало 90-х) и постсоветским (новейшим) (середина 90-х – по настоящее время). Для переходного подэтапа были характерны: а) публикация значительного количества источников (партийных программ, воспоминаний и т. д.); б) появление серии статей, зачастую даже не в исторических журналах, посвященных политическим партиям, в том числе – «правым» и «левым» эсерам³; в) создание галереи политических портретов деятелей эсеровской партии⁴, порой выполненных слишком осторожно, с оглядкой на

¹ Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 231.

³ См., напр.: Литвин А. Судьба самой многочисленной партии России. Правые эсеры // Наука и жизнь. 1991. № 3.

⁴ См., напр.: Колесниченко Д. А. В. М. Чернов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991; Гусев К. В. Эсеровская богородица. М., 1992; Его же. Рыцари террора. М., 1992.

прежние оценки и клише, но уже с определенными подвижками в оценках; г) наконец, предпринята попытка осмыслить новые подходы к освещению проблемы, в частности взглянуть на эсеров не как на противников, а как на оппонентов (см.: серия статей В. И. Миллера, К. В. Гусева в «Кентавре», 1991–1994 гг.).

Вторая половина 90-х ознаменовалась появлением ряда научных монографий, выполненных на основе привлечения громадного количества разнообразных источников, в том числе архивных документов¹. Продолжилось целенаправленное издание комплексов партийных документов².

Работы представляются новационными в силу ряда причин:

Во-первых, авторы определились с методологическими подходами, в одних случаях используя в качестве методологического ключа теорию цикличности³, в других теорию модернизации и центризма как классической модели поведения партии⁴; и в том, и в другом случаях исследователи оперировали с понятием ментальности (представления о равенстве и справедливости) тех социальных слоев, интересы которых стремились защищать эсеры и энесы. Во введениях работ имеет место обоснование методов исследования, в частности использование проблемно-хронологического метода, архитектоники⁵, комплексного подхода для выявления взаимоотношений с другими партиями в полясах: консолидация – конфронтация.

Во-вторых, предпринята попытка концептуально по-новому оценить характер преемственности народничества и неонародничества, выявив ее теоретические и нравственные параметры и рассматривая в качестве таковых: поиск самобытной модели социального прогресса для России, представление о народе как субъекте (а не объекте) исторического творчества, создание осо-

¹ См., напр.: *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; *Сыпченко А. В.* Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999; *Гусев К. В. В. М. Чернов.* Штрихи к политическому портрету. М., 1999.

² См., напр.: *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* В 3 т. М.: РОССПЭН, 1996–2000; *Партия народных социалистов. Документы.* М.: РОССПЭН, 2005.

³ *Леонов М. И.* Указ. соч. С. 17–18.

⁴ *Гусев К. В. В. М. Чернов...* С. 4–5.

⁵ *Леонов М. И.* Указ. соч. С. 18–19.

бого типа личности – лидера, ориентированного на приоритет общественных ценностей.

В-третьих, на основе глубокого изучения идеологической концепции программы партии эсеров, ее социального состава, характера воздействия на основные группы населения утверждается положение об эсерах как почвенной, коренной партии с включением в перечень доводов следующих: определение типа развития капитализма в России, возможность некапиталистической эволюции аграрного сектора, признание своеобразия предстоящей революции как народно-трудовой и социально-политической, требование развития народоправства снизу вверх (у социал-демократов – наоборот) за счет демократизации органов местного самоуправления и т. д.

В-четвертых, впервые стала выделяться гуманная сущность философско-социальной концепции эсеров, ее нацеленность на человека и восприятие общественного движения как саморазвития одухотворенной самоосновы, когда в развитии одинаково важны экономические, идеологические и психологические явления: в политической практике эсеров следование этой концепции связывается с отрицанием экстремизма социалистической революции, с признанием необходимости длительного периода социального реформирования после народно-трудовой революции (*М. И. Леонов*). Сегодня ученые согласились и с тем, что эсеровский террор, который слишком долго и левыми, и правыми ставился в вину партии, должен рассматриваться как в целом вынужденная мера, но имевшая большое общественное звучание, к стати, склонность к которой демонстрировали политические лидеры не только радикальных партий¹.

В-пятых, в работах указанных авторов заметно сближение технологий и концепций исследования с западноевропейской историографией. Интерес последней к истории партии эсеров начал складываться в 60–70-е годы и проявился как в работах англоговорящих авторов (*О. Г. Рэдки, М. Перри* и др.), так и их немецких (*А. Борке, Е. Оберлендер, М. Хильдермайер*) и фран-

---

¹ См. подробнее: *Будницкий О. В.* «Кровь по совести»: терроризм в России. Ростов н/Д, 1994. С. 12–13.

цузских (Ж. Бейнак и др.) коллег¹. Представляется, что сегодня главной проблемой, концептуально сближающей отечественную и зарубежную историографии, является проблема реальности эсеровской альтернативы большевистской; помимо этого разрабатываются проблемы: соотношение «аграрного социализма» и модернизации (М. Хильдермайер, М. И. Леонов и др.), «социализма без насилия», «демократического социализма» эсеров и «пролетарского социализма» большевиков (Ж. Бейнак и К. В. Гусев и др.) и т. д. Зарубежные историки единодушны во мнении, что эсеры сумели создать «теорию, оправдывающую устойчивость аграрного строя в отсталой капиталистической стране» и тем самым завоевать симпатии трудящихся масс, выгодно в этом плане отличаясь от большевиков. Требуется дальнейшего осмысления и вывод Хильдермайера о том, что эсеры не были идеологически до конца оформленным течением, занимая место «между партией и социальным движением».

Таким образом, можно констатировать, что за последние пятнадцать лет был осуществлен, в известном смысле, прорыв в методологическом и концептуальном осмыслении истории неонародничества в России: выявляются его истоки, сущность, идеология, содержание социальных доктрин, версионность программных и тактических установок и их соответствие начавшейся индустриализации и модернизации страны.

Контрольные вопросы и задания

1. Какова роль В. М. Чернова в становлении неонароднической историографической традиции?
2. Каким образом В. М. Чернов обосновал теоретико-методологические основы неонародничества, и чем они отличались от социологической схемы К. Маркса?
3. Можно ли говорить о единой социал-демократической традиции освещения истории неонародничества в России? Сопоставьте меньшевистские и большевистские оценки программы и тактики партии эсеров и выявите, в чем их общность и отличия.

---

¹ См. подробнее: Кононенко А. А. Современная зарубежная историография партии социалистов-революционеров // Вопросы истории. 2005. № 2.

4. Какие проблемы, связанные с историей неонароднических партий, рассматривались советской историографией?
5. Что в методологическом плане характерно для современной отечественной историографии проблемы?
6. В чем выразилась новационность концептуальных подходов современных авторов к проблеме?
7. По каким направлениям изучения истории партии эсеров произошло сближение отечественной и зарубежной историографии?

Тема 4. Историография российской социал-демократии

Лекции 10–12

План

- ⋮ 1. Дооктябрьская историография российской социал-демократии.
- ⋮ 2. Большевистская историографическая традиция и советская историческая наука.
- ⋮ 3. Новые подходы в освещении российской социал-демократии в современной исторической литературе.

1. Как известно, в 1898 г. родилась Российская социал-демократическая рабочая партия. Осенью 1903 г. РСДРП раскололась на большевиков и меньшевиков, ставших к 1917 г. самостоятельными партиями, одна из которых в марте 1918 г. объявила о переименовании в Российскую коммунистическую партию (большевиков), другая же подтвердила верность старым заветам социал-демократизма, сохранив на своем знамени лозунги демократического социализма.

Большевики и меньшевики, лидеры которых своими трудами, зачастую являвшимися результатом партийной полемики, соответственно заложили две историографические традиции, долгое время изучавшиеся неравнозначно, необъективно и, как правило, в контексте истории КПСС; причем, заведомо меньшевикам-оппортунистам, а со временем и «худшим врагам социализма...», было отказано в таких определениях, как марксисты, революционеры и т. д.

Между тем, анализ работ лидеров и идеологов РСДРП (Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, П. Б. Аксельрода, Ю. О. Мартова, А. Н. Потресова и др.) дооктябрьского периода свидетельствует о том, что в центре их внимания, безотносительно к фракционной принадлежности, стояли три проблемы, которые усиленно разрабатывались и в жанре партийной публицистики находили своего читателя: а) история освободительного движения в России и сопряженность с ним российской социал-демократии; б) место и роль марксизма в идеологическом самоопре-

делении российских социал-демократов, определении их целей; в) назначение социал-демократической партии, ее программные установки, тактика, организационные основы.

При этом освещение первых двух проблем велось в одном ракурсе, не вызывая никакого противостояния, как, впрочем, до II съезда РСДРП и последующих событий и по многим вопросам, касавшимся места и роли партии. Поэтому, в известном смысле, применительно к началу изучаемого периода можно вести речь о единой историографической традиции. Первенство в освещении первых двух проблем принадлежало Г. В. Плеханову, Ю. О. Мартову, А. Н. Потресову, П. Б. Аксельроду, В. И. Ленину. Например, Мартов¹, Потресов², Аксельрод³, а еще ранее Плеханов⁴ провели всесторонний анализ теоретического наследия революционеров 70-х годов – «разночинцев» и народников, в частности: а) дали характеристику «общественного лица» и того, и другого, подчеркнув их свободолюбие, стремление найти точку опоры в массах, влияние на первые рабочие союзы; б) выявили преемственность между революционерами 70-х годов и нарождавшейся социал-демократией; в) сформулировали идею ее особой роли в слиянии русского освободительного движения с «делом пролетариата»⁵; г) определили в качестве центральной задачи социал-демократов на данном этапе поддержку стачечной борьбы рабочих на почве экономических интересов с последующим включением в политическую борьбу по мере экономического развития («Во время стачек мы всегда рекомендуем рабочим “спокойное” поведение, воздержание от всяких насилий», – заключал Мартов); кстати, это стало одним из первых пунктов расхождений с Лениным, настаивавшим на необходимости ведения политической пропаганды с целью форсирования политических забастовок⁶; д) и, наконец, «дружно» (В. И. Ленин, А. Н. Потресов, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов и др.)

---

¹ *Мартов Ю. О.* Красное знамя в России. Женева, 1900.

² *Потресов А. Н.* Этюды о русской интеллигенции. СПб., 1906.

³ *Аксельрод П. Б.* Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократий в России. Б/м., 1898.

⁴ *Плеханов Г. В.* Наши разногласия. Женева, 1885.

⁵ *Мартов Ю. О.* Указ. соч. С. 37.

⁶ *Ленин В. И.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6.

раскритиковали либеральных народников из журнала «Русское богатство» (*Михайловского, Южакова, Воронцова* и др.), объявивших себя «наследниками» революционных традиций 70-х годов. Причем, Г. В. Плеханов, ведя в 1907–1908 гг. полемику с Бердяевым, Гершензоном, Ивановым-Разумником и другими, еще раз подчеркнул, что история русского революционного движения и русской социалистической мысли взаимосвязаны, мотивируя свою мысль глубоким анализом философских, эстетических воззрений Белинского, Герцена, особенно Чернышевского и отождествляя их взгляды со взглядами французских просветителей XVIII в. Наряду с этим в социал-демократической литературе утверждался термин «утопизм» по отношению ко всем разновидностям русской социалистической мысли немарксистского направления.

Также достаточно единодушными будуще большевики и меньшевики были в рассмотрении второй историографической проблемы – места и роли марксизма в становлении и развитии социал-демократизма в России. Особое внимание этой проблеме было уделено в коллективном меньшевистском издании (ред. коллегия: Ю. О. Мартов, П. П. Маслов, А. Н. Потресов; в подготовке первого тома принял участие Г. В. Плеханов), предпринятом, согласно заявлению редакции, с «чисто научными» целями, и в первую очередь – с целью освещения «развития русской общественной мысли» и «совокупности отношений» в этот период. В течение 1909–1914 гг. вышло четыре тома в семи книгах (предполагалось издание семи томов, но война прервала работу), особый интерес представляет третий том, пятая книга¹, посвященный характеристике основных российских партий (о чем речь уже шла в предыдущих темах), но и в других томах был помещен серьезный аналитический материал, например, связанный с «эволюцией общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху», «главнейшими моментами в истории русского марксизма»², «массовым движением» рабочих,

---

¹ Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Ю. О. Мартова, П. П. Маслова, А. Н. Потресова. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914.

² *Мартинов А. С.* Главнейшие моменты в истории русского марксизма // Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Ю. О. Мартова, П. П. Маслова, А. Н. Потресова. Т. 2. Кн. 4. СПб., 1910.

крестьян, интеллигенции (Ф. И. Дан, П. П. Маслов, Ю. Череванин) и т. д. Значительный интерес вызывает глава, написанная А. А. Мартыновым, в которой были вскрыты причины и этапы развития марксизма в России. В качестве первых назывались: а) ситуация, при которой марксизм «с самого начала выступал у нас не как абстрактное учение.., а как единственный конкретный и непротиворечивый ответ на вопросы, выдвинутые нашей “самобытной” действительностью...» б) его распространению способствовало разочарование в практике движения 1870–1880 гг.»¹; в) важность решения для русской социал-демократии задач, стоявших «в плоскости экономики», ибо «в экономике лежал ключ к решению наиболее злободневных вопросов русской политической жизни»², данная же сторона была особенно всесторонне проработана в марксизме. И в этой связи А. А. Мартынов достаточно высоко оценил работы «молодых марксистов» Ильина (Ленина), Булгакова, Туган-Барановского, Струве и других, в большинстве «легальных марксистов» в преодолении народничества, которые, продолжив «рассуждения Плеханова», «опровергли... народнические предрассудки, но... в пылу борьбы упростили вопрос и, решая его прямолинейно, доказывали больше, чем требовалось доказать»³. Однако при этом сам автор по-марксистски прямолинейно критиковал «легальных марксистов», со временем либералов, например П. Б. Струве, за их критику якобы «узкой марксовской догмы», за выступления «против теории обострения классовых противоречий, против теории социальной революции», назвав их позицию проявлением «буржуазной социальной подкладки»⁴.

Таким образом, можно констатировать, что по двум вопросам – о месте социал-демократии в революционном движении конца XIX – начала XX вв., о роли марксизма в ее идеологическом самоопределении, меньшевистские и большевистские авторы в целом были единомышленны. Однако проблема самой партии, характера реализации ее программных установок, тактической линии, структуры организационного построения и содержания

¹ Мартынов А. С. Указ. соч. С. 283.

² Там же. С. 307.

³ Там же. С. 308–309.

⁴ Там же. С. 318–319.

главных фракций вызывала неоднократные партийные дискуссии и освещалась по-разному на тех или иных этапах ее функционирования. Первоначально, на рубеже XIX–XX вв., складывалась единая социал-демократическая традиция изучения данной проблематики: для нее было характерно рассмотрение возникновения РСДРП – а) как формирование интеллигентской радикальной оппозиции самодержавному режиму; б) как создание с последующим расширением сети радикально-просветительских, в первую очередь рабочих, кружков; в) как развитие конспиративной партии, при большой роли профессиональных революционеров, рекрутируемых из интеллигенции, для значительной части которой достижение общедемократической цели борьбы (свержение самодержавия) было актуальнее, чем решение принципиально социал-демократических политических задач (развитие самосознания рабочих и оформление их в организованную общественную силу)¹.

Второй съезд РСДРП и последовавший вскоре раскол партии, в известном смысле, прервали складывавшуюся традицию. Решения II съезда стали активно изучаться сразу же после его завершения теми, кто стоял у истоков партии – Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, Ю. О. Мартовым и др. Мартов стал своего рода «летописцем» партии этого периода². В их работах, наряду с высокой оценкой исторического значения съезда, формировались выводы, во многом отличные от оценок В. И. Ленина, тоже преуспевшего в даваемых характеристиках³. *Прежде всего*, авторы-меньшевики пытались доказать несостоятельность ленинской характеристики большинства как революционного, а меньшинства как оппортунистического направлений в российской социал-демократии. *Во-вторых*, стремление Ленина создать замкнутую, хорошо законспирированную не только от полиции, но и от большинства пролетари-

¹ См., напр.: *Плеханов Г. В.* К вопросу о захвате власти // *Искра*. № 96; *Ленин В. И.* С чего начать? // Полн. собр. соч. Т. 5; *Мартов Ю. О.* Социал-демократия 1905–1907 гг. // *Общественное движение в России в начале XX века*. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914.

² См.: *Мартов Ю. О.* Указ. соч.; *Его же.* История российской социал-демократии. Пг., 1918; Б/м., 1923.

³ См., напр.: *Ленин В. И.* Шаг вперед, два шага назад // Полн. собр. соч. Т. 8.

ев организацию, с жесткой централизацией, безоговорочным подчинением ее рядовых членов воле вождей, как и ленинская послесъездовская деятельность, определились как «осадное положение» в РСДРП¹. В *третьих*, выступая против гипертрофии принципов централизма в ущерб демократизму, меньшевистские авторы изложили в духе демократического социализма принципиальный взгляд на партию как на «самоуправляющийся массовый рабочий коллектив»². Мартов и другие еще в этот период показали, что если для большевиков уже в 1905 г. целью был захват хотя бы части (а еще лучше – всей) политической власти, то меньшевики стремились прежде всего организовать и просветить рабочих, разбудить их инициативу и общественную активность. В *четвертых*, в этом же духе меньшевистские авторы, в первую очередь П. Б. Аксельрод, характеризовали тактику партии на первом этапе революции как совокупность новых методов партийной работы политическими кампаниями (земской, антивоенной и т. д.), что вызвало особенно резкую реакцию их главного оппонента – В. И. Ленина. И, наконец, в *пятых*, в меньшевистской историографии начал складываться образ Ленина как «определенного типа политического вождя», с соответствующей линией социального поведения, отличавшегося несклонностью к компромиссам, недоверием, а иногда – и презрением к людям³.

Таким образом, можно сделать вывод, что в дооктябрьский период меньшевиками была заложена соответствующая историографическая традиция; в их работах, особенно Ю. О. Мартова, содержались обобщенные материалы по истории партии, содержащие сведения о численности социал-демократических организаций, тиражах партийных изданий, бюджете РСДРП, а также выводы научно-исследовательского характера (С. В. Тю-

---

¹ Мартов Ю. О. Борьба с «осадным» положением в российской социал-демократической партии. Женева, 1904. С. 14.

² Мартов Ю. О. Борьба с «осадным»... С. 16; Аксельрод П. Б. Запросы партийной жизни. К вопросу о созываемом съезде. Женева, 1905; Акимов (Махновец) В. Очерк развития социал-демократии в России. СПб., 1906.

³ Мартов Ю. О. Записки социал-демократа. М., 1924. С. 270; Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. Выдержки из него: Коммунист. 1990. № 5.

тюкин придерживается мнения, что заложить ее меньшевикам не удалось)¹. К сожалению, после прихода к власти большевиков она была по существу прервана в отечественной литературе, получив развитие в эмигрантских работах социал-демократов.

2. В советской России получила развитие лишь одна концепция – большевистская. У истоков ее, конечно же, стоял В. И. Ленин. С. В. Тютюкин назвал его своеобразным «летописцем» меньшевизма², отметив необъективность, а порой – уничтожительность оценок: «то, что все меньшевики – оппортунисты и изменники, вообще было для Ленина аксиомой»³. Именно с оценок Ленина в работах дооктябрьского периода, затем закрепленных в его «Детской болезни “левизны” в коммунизме» (1920 г.), ставшей своего рода «энциклопедией» большевизма, утвердилось положение, согласно которому меньшевики с самого начала своей деятельности несли в себе «зародыши» оппортунизма, которые дали всходы в организационном плане «ликвидаторства», в концептуальном – «социал-предательства», на практике – «политического банкротства». В целом же утвердилось ленинское определение меньшевизма как политического течения «мелкобуржуазно-демократического» (прикрытого вывесками «социал-демократического...») направления⁴. Соответственно деятельность большевистской партии представлялась как последовательное развитие марксизма, что обеспечило ей движение от «победы к победе», исторический триумф и доказало, что практическая история большевистской партии «по богатству опыта не имеет себе равной на свете». Ленинские взгляды на историю РСДРП разделяли и другие видные большевистские публицисты: В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский, М. Н. Лядов, Л. Б. Каменев, Г. Б. Зиновьев и др. Все они во главе с Лениным создавали «историю сегодняшнего дня» как первоначальный оперативный эскиз будущей более фундаментальной и научной истории партии.

¹ Тютюкин С. В. *Меньшевизм: страницы истории*. М.: РОССПЭН, 2002. С. 7.

² Там же. С. 5.

³ Там же.

⁴ Ленин В. И. *Детская болезнь «левизны» в коммунизме* // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 8–9.

Однако после победы большевиков в октябре 1917 г. ленинские оценки и оценки его соратников были догматизированы, закреплены, объявлены глубоко научными и превратились в теоретическую и методологическую основы исторических исследований. В 20–30-е годы вышел из печати ряд публицистических, весьма резких по форме и далеких от науки, работ, посвященных разоблачению меньшевизма как изначально оппортунистического направления в российской социал-демократии¹. Из ленинских работ заимствовались готовые выводы без критического осмысления и применения к конкретным историческим фактам партийных движений. Вместе с тем в 20-е годы еще издавались сочинения Г. В. Плеханова (Собрание сочинений, незавершенное), отдельные работы Ю. О. Мартова², сборники документов из архивов группы «Освобождение труда» и А. Н. Потресова, исторические этюды Б. И. Николаевского. Предпринимались попытки не очень предвзято оценивать события тех лет³. Однако не только к «советской», но и к дооктябрьской истории РСДРП подходы ужесточались, особенно после письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» под названием «О некоторых вопросах истории большевизма»⁴, в котором было открыто провозглашен диктат идеологии над наукой, очернен ряд историков, выражено пренебрежение к историческим фактам. II съезд РСДРП стал съездом рождения большевизма как пролетарской партии нового типа; меньшевики же заняли свое место «в болоте оппортунизма», в последующем держа курс на свертывание революции и предложив вместо гегемонии пролетариата – гегемонию либеральной буржуазии⁵.

¹ См., напр.: *Вардин И.* Партия меньшевиков и русская революция. М., 1922; *Его же.* Революция и меньшевизм. М.–Л., 1925; *Быстрянский В.* Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921 и др.

² *Мартов Ю. О.* Записки социал-демократа. М., 1924.

³ См., напр.: Как рождалась партия большевиков. Литературная полемика 1903–1904 гг.: сборник. Л.: Прибой, 1925.

⁴ Пролетарская революция. 1931. № 6.

⁵ См., напр.: *Ольминский М. С.* Борьба за партию после II съезда РСДРП: сб. статей 1904–1905 гг. М.: Партиздат, 1933; К истории созыва II съезда РСДРП. Публ. док-тов с предисл. В. Невского // Красный архив. 1933. Т. 4 (39); *Мартынов А. С.* Как Ленин боролся за перерастание революции и против централизма. М.: Партиздат, 1932.

В 60–90-е годы стали выходить монографии, авторы которых преуспели в восстановлении ленинской концепции возникновения РСДРП, первой русской революции и последующих событий¹. Со временем в рамках этих подходов зазвучали имена некоторых меньшевиков в контексте внутривнутрипартийной борьбы, исчезли их слишком одиозные оценки, партийная полемика стала приобретать характер «теоретической борьбы»² и т. д. И хотя при характеристике меньшевизма по-прежнему использовались такие определения, как «мелкобуржуазный», «оппортунистический» реформизм, в рабочем и социал-демократическом движении³ неизмеримо богаче стала фактологическая модель, чаще цитировались работы лидеров меньшевиков, начала изучаться «левоблокистская» тактика большевиков, т. е. совместные действия революционно-демократических партий и организаций в 1905 г., в госдумах, советах и т. д. К сожалению, непоколебимыми оставались многие стереотипы, типа: а) большевизм как партия нового типа начал свое летоисчисление с момента II съезда РСДРП; б) начало «ленинского этапа в развитии марксизма» датировалось 1893 г., т. е. моментом приезда 23-летнего Ленина в Петербург; в) деятельность меньшевиков, ставших со временем контрреволюционерами, заканчивалась «крахом» и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что к концу 80-х годов был в целом исчерпан потенциал некоторого объективного знания, который содержался в ленинской схеме истории политических партий России.

3. Проблема возникновения и развития российской социал-демократии, по существу, одна из немногих в отечественной историографии, изменение подходов к которой началось уже в

---

¹ См., напр.: *Злобин В. И.* Второй съезд РСДРП. Историография. М., 1980; Ленинское учение о партии. М., 1969; *Костин А. Ф.* В. И. Ленин – основатель партии нового типа (1894–1904 гг.). М., 1980.

² См., напр.: *Волобуев О. В.* Идеино-теоретическая борьба по вопросам революции 1905–1907 гг. М., 1985; *Тютюкин С. В.* Первая российская революция и Г. В. Плеханов. М., 1981; *Непролетарские партии России. Урок истории.* М., 1984.

³ См., напр.: *Большевизм и реформизм.* М.: ИМЛ, 1973; *История КПСС.* В 6 т. М., 1967. Т. 1; 1966. Т. 2.

конце 80-х годов. Постановка в ходе перестройки правящими кругами КПСС вопроса о социализме «с человеческим лицом» стимулировала интерес к изучению соответствующего отечественного опыта; косвенно это коснулось и меньшевистской альтернативы. Этому способствовало также и более интенсивное проникновение «идей» с Запада, где существовала весьма мощная историографическая традиция, представленная работами русских эмигрантов, выходявшими не только до, но и после второй мировой войны. Многие их выводы получили развитие, прежде всего, в англоязычной исторической литературе. В 1946 г. в США увидела свет книга Ф. И. Дана «Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян»¹ (Нью-Йорк, 1946). Заключительная глава книги под названием «Демократизация станет исторически возможной» была опубликована в журнале «Коммунист»². Главной новационной идеей работы 75-летнего автора являлось рассмотрение большевизма и меньшевизма через то общее, что их объединяло, а не наоборот, как это было и в советской, и в эмигрантской историографии на протяжении долгих лет. Дан попытался представить рождение этих двух направлений, как закономерный результат эволюции русской социалистической мысли, как продукт синтеза марксизма и отечественных революционных и либерально-демократических традиций. Причем, в основе внутривнутрипартийной борьбы в РСДРП, по мнению Ф. И. Дана, стояла проблема «демократия – социализм», оставшаяся нерешенной в России, в которой эти две задачи наложились друг на друга, в силу чего достижение демократического идеала стало невозможно без социализма, а социализм в силу своеобразия условий, в первую очередь – отсталости, принял явно недемократический характер; большевики отбросили демократию, а меньшевики остались ей верны, но отодвинули социализм в неопределенное будущее. Положительный резонанс появления данной работы проявился в привлечении усиленного внимания к указанной тематике не только

¹ Дан Ф. Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк, 1946.

² Дан Ф. Демократизация станет исторически возможной // Коммунист. 1990. № 7.

со стороны меньшевиков-эмигрантов, кстати, весьма негативно воспринявших попытку Дана «сблизить» меньшевизм и большевизм и издавших книгу воспоминаний «Мартов и его близкие»¹, но и американских историков, в частности Леопольда Хеймсона². Как известно, Л. Хеймсон позднее принял участие в подготовке к изданию сборников документов «Меньшевики в 1917 году», «Меньшевики в большевистской России»³, также как и его ученица Зива Галили, ставшая автором монографии «Лидеры меньшевиков в русской революции: социальные реалии и политическая стратегия»⁴.

На рубеже 80–90-х годов в отечественной историографии резко вырос интерес к истории российской социал-демократии, были предприняты попытки ее типизации. Появление статьи К. Н. Тарновского этому способствовало. Три ее положения были новационными: а) отказ от квалификации меньшевистской партии только как мелкобуржуазной; б) меньшевизм был признан органической составной частью рабочего движения в России; в) он «до конца оставался одним из течений внутри марксизма»⁵. Немного позднее эти положения были подкреплены выводом А. И. Зевелева и Ю. П. Свириденко⁶ о том, что РСДРП, включавшая большевиков и меньшевиков, как явления общественной мысли и течения революционного движения в России, представляла «собой целостное направление», соответственно, начиная со II съезда, «существовала одна партия» – РСДРП, в которой имели место две фракции⁷.

Большую роль в повышении интереса к проблеме сыграли «круглые столы», проходившие на рубеже 80–90-х годов, и научные проекты, связанные с подготовкой издания новых книг и учебников. Был поставлен вопрос о гносеологических корнях

¹ Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959.

² Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. М., 1998. С. 137–142.

³ Меньшевики в 1917 году. В 3 т. М.: РОССПЭН, 1994–1997; Меньшевики в большевистской России. В 4 кн. М.: РОССПЭН, 1999–2004.

⁴ Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции: социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993.

⁵ Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 26

⁶ Зевелев А. И., Свириденко Ю. П. Большевики и меньшевики. М., 1992.

⁷ Там же. С. 14.

большевизма и меньшевизма, в связи с чем историки обратились к теоретическим истокам их разногласий. На состоявшемся в Институте истории АН СССР в январе 1990 г. «Круглом столе»¹ с участием видных историков (Л. М. Спирина, А. Н. Свалова, П. А. Подболобова, С. В. Тютюкина и др.) прозвучала мысль о разнонаправленности теоретических потоков Маркса и Энгельса в 70–80-е годы XIX в., а также о причинах и обстоятельствах появления ленинского термина «партия нового типа», который был связан с попыткой отмежеваться от практики партий II Интернационала в 1915 г. Выводы были весьма осторожные, но они прозвучали. В этом же году в журнале «Коммунист» была открыта рубрика: «Очерки истории КПСС: концепция, подходы, контуры», в рамках которой поместили свои статьи известные исследователи (Ю. А. Поляков, В. В. Шелохаев, В. И. Старцев, Г. А. Бордюгов и др.), в том числе И. Пантин и Евг. Плимак выступили со статьей «У истоков российской революционности». Ими был сформулирован ряд любопытных выводов: *прежде всего*, был поставлен вопрос о «доктринальных изъянах» марксизма, т. е. о «внутренних противоречиях самой теории», особенно в «проекте будущего»; *во-вторых*, обосновывалась мысль о том, что большевики и меньшевики опирались «на разные пласты наследия Маркса–Энгельса», в частности, большевики – на пласт «снятых» к тому времени самими классиками теоретических проблем; *в-третьих*, начало «ленинского этапа» в развитии марксизма было предложено считать не с 1893 г., а с 1902–1905 гг., поскольку «почти десять лет Ленин следует за Плехановым–Аксельродом»².

В развитии историографии российской социал-демократии 90-е годы XX в. стали своего рода ренессансом, точнее – для ее меньшевистского направления, так как после августа 1991 г. большевистская проблематика на какое-то время почти «исчезла» из научных изданий. Этому способствовало и то обстоятельство, что, как заметили А. А. Кара-Мурза и Л. В. Поляков, составители антологии «Русские о большевизме», авторы пре-

---

¹ См.: Актуальные вопросы исследования дооктябрьского периода // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10.

² Там же. С. 16.

дисловия и заключения, «все высказанное “русскими” в этом истекающем столетии в той или иной степени» было «о большевизме»¹.

В целом же в новых условиях проблема персонифицировалась, т. е. создана серия портретов социал-демократов, причем, в первую очередь – генераторов идей и авторов версионных проектов модернизации России: Г. В. Плеханова², Ю. О. Мартова³, Н. Н. Суханова⁴, П. Б. Аксельрода⁵. Во второй половине 90-х годов появился целый ряд монографий обобщающего характера, авторы которых попытались всесторонне рассмотреть меньшевистскую альтернативу (*И. Х. Урилов, А. П. Ненароков, С. В. Тютюкин* и др.), а также феномен российской социал-демократии в целом (*Б. С. Орлов, М. И. Смирнова* и др.) В их перечне выделяется монография С. В. Тютюкина «Меньшевизм: страницы истории»⁶, которая по отзывам рецензентов носит «синтезирующий» характер⁷. Последнее проявляется в ряде подходов и выводов: *прежде всего*, автор далек от идеализации и меньшевиков, и большевиков, а его монография свободна от политической конъюнктуры; *во вторых*, на основе анализа трудов многих лидеров и идеологов РСДРП восстановлено не только политическое, но и психологическое лицо меньшевизма; *в третьих*, одновременно через изучение личностного фактора воссозданы и сопоставлены портреты «среднего» меньшевика и «среднего» большевика, что позволило глубже показать трагедию демократов-меньшевиков; *в четвертых*, выявлен целый комплекс причин поражения меньшевизма, к числу которых

---

¹ *Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В.* Большевизм и коммунизм: интерпретация в русской культуре // Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. СПб., 1999.

² Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993, 1994; *Тютюкин С. В.* Г. В. Плеханов: судьба русского марксиста.

³ *Урилов И. Х.* Ю. О. Мартов: политик и историк. М., 1997; *Казарова Н. А.* Ю. О. Мартов: штрихи к политическому портрету. Ростов н/Д, 1998.

⁴ *Корникова А. А.* Судьба российского революционера: Н. Н. Суханов – человек, политик, мемуарист. Иваново, 1995.

⁵ *Савельев П. Ю.* Павел Аксельрод: человек и политик // Новая и новейшая история. 1998. № 2, № 3.

⁶ *Тютюкин С. В.* Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002.

⁷ Отечественная история. 2003. № 6. С. 203.

отнесены не только социально-экономические условия России, не позволявшие укрепиться в рабочей среде реформистским тенденциям, но и субъективные факторы, игравшие порой решающую роль¹.

К началу нового столетия выявилось стремление исследователей восстановить «баланс сил» и попытаться с научных позиций рассмотреть феномен большевизма в России, причины и последствия его победы, пришло осознание, что с крушением того общественного строя, который был создан под руководством ВКП(б) – КПСС, были похоронены, может быть, самые массовые и благородные иллюзии, которые когда-либо знало «человечество»². Поэтому несомненный интерес представляет книга Т. И. Ойзермана «Марксизм и утопизм»³, в которой автор, вовсе не отрицая утопизма многих подходов Маркса на данный момент, пытается разобраться в историософской сущности утопий, как таковых, предлагая взглянуть на них как на «содержательные заблуждения», в которых «неадекватным образом» заключаются истинные представления. Работы других исследователей⁴ – это попытки научного анализа такого сложного социально-политического и психологического явления, как большевизм, а также его истоков. Неслучайно А. Улам основному содержанию работы предпослал первую главу, названную «Революционные традиции» и включающую материал, связанный с декабристами, народничеством и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что историография российской социал-демократии – многоплановое явление, имеющее свои критические точки, взлеты и падения, поскольку весьма противоречив и не динамичен сам предмет ее исследования.

---

¹ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 9, 51.

² Там же. С. 543.

³ Ойзерман Т. И. Марксизм и утопизм. М.: Прогресс-традиция, 2003.

⁴ Котеленец Е. А. В. И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999; Улам А. Большевики. М.: Центрполиграф, 2004.

Контрольные вопросы и задания

1. Кто стоял у истоков формирования историографической традиции российской социал-демократии? Назовите ее основные проблемы в дооктябрьский период.
2. Что было общего и особенного при освещении темы в большевистской и меньшевистской литературе? Проведите сравнительный анализ.
3. Как оценивались социал-демократическими авторами место и роль марксизма в становлении РСДРП? (По книге «Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. Т. 2. Кн. 2. СПб., 1910. С. 285–309).
4. Что имел в виду Ю. О. Мартов, характеризуя Ленина как политического вождя «определенного типа»? (*Мартов Ю. О. Записки социал-демократа. М., 1924; Ю. О. Мартов. Избранное. М., 2000*).
5. Какие положения ленинской концепции возникновения и развития российской социал-демократии легли в основу советской историографической традиции?
6. Какими причинами следует объяснить начало изменения подходов в отечественной историографии на рубеже 80–90-х годов? В чем состояли эти подходы?
7. По каким позициям можно проследить сближение исследовательских технологий отечественной и зарубежной историографии проблемы?
8. В чем проявляется характер новых подходов в современной историографии?

Тема 5. Историография русского консерватизма

Лекции 13–14

План

- ⋮ 1. Формирование консервативной историографической традиции в конце XIX – начале XX вв.: складывание различных методологических подходов.
- ⋮ 2. Советский период историографии: отождествление консерватизма с реакцией.
- ⋮ 3. Новейшая историография консерватизма.

1. Историографию консервативного движения можно разделить на три периода: дооктябрьский (конец XIX в. – 1917 г.); советский (1917 – конец 1980-х годов); современный (начало 1990-х – по настоящее время), который имеет два подэтапа – переходный и новейший (постсоветский).

В досоветский период главная роль в зарождении историографической традиции освещения русского консерватизма принадлежала самим консерваторам (*Л. А. Тихомирову, К. Н. Леонтьеву, Н. И. Черняеву, Д. А. Хомякову и др.*) и их оппонентам (*П. Н. Милюкову, В. О. Обнинскому, В. Левицкому, В. И. Ленину и др.*). В их работах были заложены основы научного знания по проблеме, определен многоуровневый характер ее рассмотрения. Мировоззрение консерваторов оценивалось с различных общественно-политических и философских позиций: консервативных, либеральных и социалистических. В работах представителей консервативного лагеря, писавших о своих единомышленниках (*Н. Н. Страхов, И. И. Фудель, И. И. Восторгов, Б. В. Никольский, Л. А. Тихомиров и др.*), как правило, содержались преувеличенно-позитивные оценки их взглядов. Характерно и то, что за редким исключением о консерватизме в этот период писали не профессиональные историки, а философы, публицисты, писатели и богословы. Одновременно многие выводы отличались постановочностью и глубиной. Так, именно одним из родоначальников идеологии русского консерватизма Л. А. Тихомировым был сформулирован тезис, согласно кото-

рому неправомерно было бы причислять другого консервативно-го мыслителя К. Н. Леонтьева к «реакционерам», ибо последний призывал не к реакции, а к творческому развитию своего, «византийского» культурно-исторического типа¹. Аналогичную оценку творчества К. Н. Леонтьева давали публицист В. В. Розанов, священник И. Фудель и другие консерваторы. В противоположном ключе леонтьевское наследие оценивал П. Н. Милюков, по мнению которого «славянофильство» К. Леонтьева, «оторвавшееся от космополитических (всечеловеческих) корней старого славянофильства, являло собой «саморазложение» этого учения².

Круг вопросов консервативной историографии включал в себя проблемы анализа национального самосознания русского народа. В работе известного публициста Н. И. Черняева³ красной нитью проходит идея незыблемости устоев самодержавия в силу психологического склада русского народа, основу которого составляла идея «избранчества» царя, «которому Бог уделил часть своей власти над народом». В исследованиях проф. П. И. Ковалевского и П. Е. Астафьева⁴ делался вывод, согласно которому для успешного будущего России необходимо было усиливать и поддерживать народившийся русский национализм через «воспитание и образование детей и граждан русской народности».

В работах В. В. Розанова, Л. А. Тихомирова, И. Фуделя давалась и некоторая характеристика лидеров возникших правых партий. Общим в этих оценках было признание тенденции снижения общего интеллектуального уровня консервативной мысли, связанной с политической деятельностью правых партий и «нерешительностью и бесталанностью» их лидеров.

---

¹ *Тихомиров Л. А.* Русские идеалы и К. Н. Леонтьев // *Философское обозрение.* 1894. Октябрь; *Литературная учеба.* 1992. № 1–3; *Его же.* Публицистическое сознание петербургского периода. К. Н. Леонтьев / Л. А. Тихомиров. *Монархическая государственность.* М., 1998.

² *Милюков П. Н.* Славянские и русские «космополиты» // *Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века.* К. Н. Леонтьев. М., 2000.

³ *Черняев Н. И.* Необходимость самодержавия для России. Природа и значение монархических начал. Харьков, 1901.

⁴ *Ковалевский П. И.* Национализм и национальное воспитание в России. СПб., 1911; *Астафьев П. Е.* Национальность и общечеловеческие задачи. М., 1890.

В качестве оппонентов-консерваторов выступали как либералы, так и социалисты. Основная критика была направлена на политическую деятельность правых партий. Этой проблеме были посвящены работы В. О. Левицкого, В. И. Ленина, Ю. О. Мартова, ряда либеральных авторов, например, В. О. Обнинского¹. Они настаивали на том, что создание консервативных партий в значительной степени было инспирировано сверху с целью борьбы с революционным движением и защиты привилегий дворянства и чиновничества. Основное внимание обращалось на их «погромную» деятельность, а также на получение от властей денежных субсидий на оружие и агитацию. Особенно негативное мнение по этому поводу выражали левые партии, которые сводили политическую деятельность консервативных партий к разжиганию межнациональных конфликтов и шовинистической пропаганде.

В целом же, можно сделать вывод, что для этого этапа историографии были характерны следующие особенности: *во-первых*, проблематику историографии, ее направления разрабатывали сами теоретики консерватизма, а также их идейные оппоненты. *Во-вторых*, наибольшее внимание у авторов (*Л. А. Тихомирова, И. Фуделя, В. В. Розанова, Н. И. Черняева* и др.) вызывали историософский и культурологический аспекты консервативных концепций. *В-третьих*, взгляды консерваторов рассматривались, в основном, по отдельности, а не в совокупности, что не позволяло дать целостной картины их идей и концепций.

2. Второй период, продолжавшийся с 1917 г. почти до конца 1980-х годов, характеризовался в целом закреплением в работах советских авторов резко негативной оценки консерваторов, рассмотрением их теоретической и практической деятельности через классовый подход марксистско-ленинской парадигмы. Работы 20–30-х годов носили главным образом публицистический характер. Кроме того, анализ характера действий правых партий проводился исключительно в контексте их «погромной» и

---

¹ *Обнинский В. О.* Новый строй. Ч. I. Манифест 17 октября. М., 1909; *Левицкий В.* Правые партии // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914.

«антисемитской» деятельности¹. Русские консерваторы, в частности К. Леонтьев, например, историком Н. Л. Мещеряковым стал отождествляться с фашистами². Характерно для того времени и появление книги С. Б. Любоша под названием «Русский фашист Владимир Пуришкевич» (Л., 1925). По существу, имена многих теоретиков консерватизма (И. А. Сикорского, С. Ф. Шаропова и др.) не упоминались, а если это происходило, то только в сугубо негативном плане. Даже в работах советских авторов 50–60-х годов упоминание о консерваторах сопровождалось использованием таких терминов, как «мракобесы» и «ретрограды».

Зато в работах, созданных в Русском зарубежье, и в трудах западных исследователей наоборот наблюдался рост интереса к этой теме. В числе авторов были такие известные фигуры, как В. В. Леонтович, Г. Флоровский, Н. А. Бердяев³, несколько позднее И. А. Ильин, И. Солоневич, Г. Федоров⁴ и другие.

В 70–80-е годы стали появляться специальные работы, касавшиеся различных аспектов консервативной идеологии. В монографиях В. С. Дякина и А. Я. Авреха эти темы были рассмотрены в связи с историей парламентаризма и межпартийной борьбы в самодержавной России. Особо следует выделить работы Ю. Б. Соловьева⁵, в которых историк дал краткую характеристику взглядов крупнейших консервативных идеологов: Л. А. Тихомирова, Д. А. Хомякова, С. Ф. Шаропова, К. Н. Пасхалова и др. В этот же период появились работы по истории «непролетарских» партий, в которых затрагивались и идеологи-

---

¹ *Каган И.* Погромы в дни свободы (октябрь 1905). М., 1925; *Залежский В.* Монархисты. Л., 1930; *Тагер А. С.* Царская Россия. Дело Бейлиса. М., 1932.

² *Мещеряков Н.* У истоков современной реакции // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24.

³ *Флоровский Г.* Пути русского Богословия. Париж, 1937; Вильнюс, 1991; *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1991; *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж: УМКА-PRESS, 1926.

⁴ *Ильин И. А.* Наши задачи. Берлин, 1954; М., 1991; *Солоневич И.* Народная монархия. Буэнос-Айрес, 1973; М., 1991; *Федотов Г.* Судьба и грехи России. М., 1991.

⁵ *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973; *Его же.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг.; *Его же.* Самодержавие и дворянство в 1907–1917 гг. Л., 1990.

ческие установки монархического движения, и мировоззрения видных консервативных публицистов (*В. В. Комин, Л. М. Спирин, Г. З. Иоффе*). Рассмотрев на основе архивных материалов программу и тактику монархических партий, Л. М. Спирин сделал заслуживающий внимания вывод о том, что «монархизм и фашизм по своей социальной природе – разные явления, и сблизать их, тем более отождествлять, было бы неверно»¹. В работах Г. З. Иоффе идеология российского консерватизма нашла свое отражение в контексте анализа обстоятельств крушения самодержавия.

3. Современную историографию по проблеме можно подразделить на два подэтапа: переходный (рубеж 80–90-х – середина 90-х годов) и постсоветский – новейший (с середины 90-х годов по настоящее время).

Переходный подэтап характеризуется следующими чертами: *во-первых*, начало преодоления монологизма в освещении истории политических партий и движений в России, в том числе – и по отношению к консерваторам, что выразилось прежде всего в активной публикации новых источников. В частности работ, составляющих идейное наследие идеологов консервативной мысли (*К. П. Победоносцева, К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова* и др.) с соответствующими вступительными статьями и комментариями². *Во-вторых*, используя аксиологический принцип, авторы (*В. П. Шестаков, А. Ланщиков, В. Н. Костылев, В. Н. Назаров* и др.) попытались оценить идейный багаж отдельных персоналий русской консервативной мысли в контексте признания консерваторов как весьма значительной силы в российском политическом процессе. *В-третьих*, была проведена некая разделительная черта между теоретиками консерватизма и массовыми правыми организациями, хотя одновременно стала исследоваться и их определенная преемственность. *В-четвертых*, для работ этого подэтапа характерна некоторая категоричность в оценках

¹ Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 год). М., 1977. С. 287.

² Ланщиков А. Предисловие к кн.: Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993; Носов С. Судьба идей Константина Леонтьева / В кн.: Леонтьев К. Н. Избранные письма (1854–1891 гг.). СПб., 1993.

и выводах, с одной стороны, в виде апологетики и определенной идеализации консерватизма¹, с другой – с прежними обвинениями правых в политическом экстремизме².

Новейший подэтап современной историографии проблемы характеризуется появлением крупных работ в виде научных монографий обобщающего характера, в том числе и коллективных³. В этих работах дана новая оценка русского консерватизма. *Во-первых*, было признано, что консерватизм в России был одним из главнейших течений общественно-политической мысли и самостоятельным общественно-политическим движением на разных этапах развития страны (В. Я. Гросул, А. В. Гусев, Б. С. Штенберг, К. Ф. Шаццлло и др.). *Во-вторых*, консерватизм стал рассматриваться как полноценная ополитическая доктрина (в теории) и как идеология, бывшая, по крайней мере в XIX в., господствующей не только в правящих верхах, но и в российском обществе в целом (В. Я. Гросул, К. Ф. Шаццлло и др.). *В-третьих*, было доказано (В. А. Гусев, А. В. Репников, Э. А. Попов и др.), что консерватизм никогда не был единым монолитом, внутренне беспроблемным и общепризнанным, т. е. проведена типологизация русского консерватизма. В монографии А. В. Гусева выделяются три его формы: государственно-охранительная (К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, М. О. Меньшиков и др.), православно-русская (славянофилы) и универсалистская (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев). Если для первой была характерна приверженность идеалам мощного централистского государства, то славянофилы воспринимали самодержавие лишь как фактор «служебный». Третья форма характеризуется возможностью использования их идей самыми различными консервативными течениями. Э. А. Попов, в целом также признавая в русском консерватизме три направления, отличительной чертой «общественного (народнического)» направления (славянофильства) считает признание ими необходимости «народного участия» в управлении государством и местном самоуправлении. Наиболее интересным Э. А. Попов считает третье направле-

¹ Острецов В. Черная сотня и красная сотня. М., 1991.

² Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1997.

³ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

ние («сословно-корпоративное»), отождествляемое им с именами К. Н. Леонтьева и Л. А. Тихомирова, которое сумело разработать наиболее четкую модель реформирования государства на базе сословно-корпоративной структуры общества. *В-четвертых*, отказавшись от отождествления русского консерватизма с реакцией и признав за ним в качестве главной составляющей стремление к сохранению «статус-кво», современные авторы выделили две характерные черты консервативных построений: отношение к социальной системе и к государственному устройству страны, определив в качестве инвариантного ядра три компоненты доктрины: политико-правовую, национально-вероисповедальную и социально-политическую (у Л. А. Тихомирова – «классового солидаризма»). *В-пятых*, на новую качественную ступень поднято изучение взглядов видных консервативных деятелей и мыслителей через использование ставшего популярным в конце 1990-х годов метода просографии, выразившегося в попытках создания коллективных политических портретов (биографий) консервативных групп (партий) (С. А. Степанов, Ю. И. Кирьянов, Э. А. Попов, В. А. Гусев и т. д.) с выявлением их типологических черт. *В-шестых*, актуальной в современной историографии стала проблема изучения феномена национализма в русском консерватизме с заметным обозначением двух тенденций. Представители первой¹ рассматривают его через призму западно-европейского аналога с выделением этнической доминанты в идеологии и социально-политических проектах правых партий. Авторы *второго* направления (А. К. Конев, Э. А. Попов) оценивают национализм как культурно-исторический продукт российской цивилизации, как средство достижения общегосударственного идеала с заложенными в его основе вековыми ценностями православия и самодержавной монархии. *В-седьмых*, постепенно предметом исследования становится консервативная политика (А. В. Репников, Э. А. Попов, Ю. И. Кирьянов и др.), выявление места и роли правых партий в политическом процессе XX в., а также характер участия консервативных деятелей в решении государственных вопросов.

---

¹ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. М.: РОССПЭН, 2001.

Трудно не согласиться с А. В. Репниковым, который полагает, что консерваторы по многим вопросам в социальной и политической области оказались более дальновидными, предостерегая от разрушительных последствий грядущих революционных потрясений и обрисовывая масштабы надвигавшейся катастрофы¹. В *восьмых*, стала изучаться проблема сопредельности (пограничного поля) консерватизма с другими идеологиями², т. е. сформулирован тезис об элементах открытости доктрины консерватизма в прошлом и настоящем.

Контрольные вопросы и задания

1. Каковы основные этапы развития историографии русского консерватизма?
2. Каково содержание консервативной концепции государственной власти в России в трудах ее создателей (Л. А. Тихомирова. К. Н. Леонтьева и др.)?
3. Охарактеризуйте инвариантное ядро русского консерватизма и принципы, его определяющие?
4. Какое место в работах авторов-консерваторов занимает вопрос о прогрессе для России и каково его понимание?
5. Чем обуславливались резко негативные оценки консерватизма в советской историографии?
6. Претерпели ли они какое-либо изменение на разных этапах ее развития?
7. Что характерно для современного этапа историографии проблемы в методологическом и теоретическом плане?
8. Почему в настоящее время идеология консерватизма стала объектом межпредметного изучения?
9. Как современными исследователями решается проблема типологии русского консерватизма?

---

¹ Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М.: Готика, 2006.

² Либеральный консерватизм: история и современность: Материалы науч.-практ. конф. М.: РОССПЭН, 2001.

Тема 6. Российский политический процесс на глобальном изломе (1917–1920 гг.): проблемы методологии и историографии

Лекции 15–18

План

- 1. Большевистская концепция роли политических партий в революции 1917 г. и советская историческая наука.
- 2. Формирование и развитие новой историографической традиции на современном этапе.
- 3. Историографическая традиция освещения истории российских партий и движений в 1917 г. в эмигрантской литературе:
  - а) монархическая литература;
  - б) либерально-демократическая эмигрантская литература;
  - в) социалистическая (небольшевистская) литература.

1. Следует иметь в виду, что периодизация советской историографии данной проблемы аналогична рассмотренным ранее также, как и условность такого деления: 20-е годы; 30-е – нач. 50-х годов; конец 50-х – 80-е годы. Разные подэтапы, но, в основном, – одна концепция. Названная «ленинской» и «научной», эта концепция является ключом к пониманию историографии революции в большевистском освещении. В ее основе находились три положения: *во-первых*, преимущество большевизма и революционного марксизма; *во-вторых*, Октябрьская революция – это явление закономерное, исторически неизбежное, Февраль – это лишь ее «преддверие», победоносное начало; *в-третьих*, небольшевистские партии – это немарксистские, а затем – и контрреволюционные; закладывалась традиция, согласно которой на историю других партий историки смотрели глазами победителей, игнорируя внутренние процессы их развития; исторические оценки выстраивались с учетом того, какой была позиция той или иной партии (организации) на момент октябрьских событий 1917 г. Данные партии изучались, в основном, в контексте борьбы с ними большевиков¹.

¹ См., напр.: Бубнов А. С. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. Иваново-Вознесенск, 1923; История ВКП(б) / под ред. Ем. Ярославского. Т. 4. М.–Л., 1929.

И все-таки 20-е годы в развитии советской историографии проблемы отличались от последующих этапов: *прежде всего* – а) была проведена большая работа по изданию документальных сборников и «хроник» революции¹. Заметим, что «Великая Октябрьская социалистическая революция: хроника событий» под редакцией И. И. Минца появится много позднее – в 1961 г.; б) в двадцатые годы начали издаваться многочисленные исторические журналы, печатавшие обширную и относительно правдивую мемуаристику участников революции («Под знаменем марксизма»; «Пролетарская революция» – орган Истпарта; «Вестник Коммунистической академии» и др.); в журнале «Каторга и ссылка» печатались известные меньшевики под инициалами Б. Н. (Б. И. Николаевский), а также Дейч, Теодорович и др.; в) в эти годы были опубликованы многочисленные воспоминания, в том числе – заведомых противников советской власти, притом без всяких изменений². *Во-вторых*, несмотря на то, что на работах первых советских историков революции лежала печать агитационности и партийного запала, все-таки многие из них по уровню исполнения, содержанию выводов носили исследовательский характер³. Элементы авторской версии событий имели место и в многочисленных учебниках (*Бубнова, Кнорина, Лядова, Вардина, Лепешинского и др.*), издававшихся в 20-е годы и нередко обгонявших появление фундаментальных исторических исследований⁴; в 20-е годы начала издаваться серия «Политических портретов» (под ред. В. И. Невского; вышло 13 очерков, осталось в Российской библиотеке 3, остальные были изъяты в 30-е годы). *В-третьих*, в первое десятилетие после революции многие советские историки еще позволяли себе расхожиться с Лениным в тех или иных оценках, и никто даже из

---

¹ Февральская революция 1917 года: хроника событий. В 7 т. / под ред. Н. Авдеева. М.–Л., 1923–1930; *Заславский Д. О., Канторович В. А.* Хроника Февральской революции. Т. 1. Пг., 1924.

² См., напр.: Октябрьская революция. Мемуары / Сост. С. А. Алексеев. М.–Л.: Гиз, 1926.

³ См., напр.: Очерки по истории Октябрьской революции. В 2 т. / под ред. М. Н. Покровского. М.–Л., 1927; *Генкина Э.* Обзор литературы по февральской революции // Пролетарская революция. 1924. № 2–3.

⁴ См., напр.: *Невский В. И.* История РКП(б): краткий очерк. М.–Л., 1926.

его ближайшего окружения не считал его ни историком, ни «коффеем науки»: например, Покровский в опубликованном им в 1923 г. курсе лекций по русской историографии¹ ни единым словом не обмолвился о Ленине и его вкладе в историческую науку. М. С. Ольминский, редактор первого собрания сочинений Ленина в редакционной статье об этом издании писал: «Ленин ни одного слова не добавил к Марксу, но он научил нас понимать его»².

Ситуация стала меняться в конце 20-х годов, когда большевизация в среде историков революции, по существу, превратилась в сталинизацию. В опубликованном в 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» «Письме в редакцию» Сталин разоблачал окопавшихся в нем «либералов», «оппортунистов» и «троцкистов». Затем прошла кампания за «преодоление ошибочных взглядов Покровского и его школы», якобы излагавших историю не как историю идей, а как историю людей. Важным этапом «идейной борьбы» явился вышедший в 1935 г. первый том «Истории гражданской войны в СССР». Вершиной сталинской интерпретации истории революции стал «Краткий курс истории ВКП(б)» издания 1938 г. Е. Ярославский сравнил «Краткий курс» с «Коммунистическим манифестом» Маркса. За этот период не было опубликовано ни одной действительно исследовательской работы по истории революции и тем более по истории действовавших тогда политических партий.

Со второй половины 50-х годов наметились некоторые изменения в стране (хрущевская «оттепель») и соответствующее оживление в научной среде; произошли сдвиги и в изучении рассматриваемой проблемы. История всех российских партий вписалась в «классическую» схему освободительного движения в России с соответствующим гегемоном и руководителями. В течение 60–80-х годов были изданы сотни книг, написаны десятки тысяч статей, собран и обобщен громадный фактологический материал в рамках ленинской концепции, т. е. классовой пара-

¹ Покровский М. Н. Классовая борьба в русской исторической литературе. М., 1923.

² Ольминский М. С. Об издании собрания сочинений В. И. Ленина // Под знаменем марксизма. 1922. № 5. С. 129.

дигмы, как главного качественного параметра происхождения и деятельности политических партий; было издано множество документальных сборников, несущих не только научную, но и идеологическую нагрузку, в том числе на местах. Как правило, публикации были связаны с юбилейными датами Великого Октября¹. Ряд монографий был специально посвящен деятельности непролетарских партий в 1917 г., а точнее их «краху» и «крушению» (*Г. З. Иоффе, Л. М. Спирин, И. И. Минц, П. И. Соболева, Х. М. Астрахан, В. В. Комин, К. В. Гусев* и т. д.), в том числе в регионах². По-прежнему жестко реализовывался принцип монологизма, который вел к тому, что новые идеи часто не могли пробиться не только вследствие административных препон, но и оказались невостребованными, вызывая агрессивную критику (например, «разоблачение» историка Э. М. Бурджалова, опубликовавшего статьи в «Вопросах истории» в 1956 г. «О тактике большевиков в марте–апреле 1917 г.» и попытавшегося «рассказать правду» об ошибках Русского бюро ЦК РСДРП(б) до приезда Ленина³).

2. Новые подходы в освещении проблемы начали складываться в начале 90-х годов XX в. На первом подэтапе данного периода выявилась специфика (внешняя) оформления исследовательской мысли: либо в виде историографической публицистики, либо в форме учебных пособий⁴. На втором подэтапе (с середины 90-х годов) появились научные монографии. Изменение подходов стало заметно, прежде всего, в области методологии: а) происходило размывание представлений о стадияльном развитии исторического процесса, что в значительной степени сняло вопрос о «закономерностях» социалистических преобразований

¹ См., напр.: Ленин о Доне и Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1967; Великий Октябрь на Дону и Северном Кавказе. 1977; Документы героических лет (1917–1920). Ростов н/Д, 1987.

² См., напр.: *Сергеев В. М.* Банкротство мелкобуржуазных партий на Дону. Ростов н/Д, 1979.

³ *Бурджалов Э. М.* О тактике большевиков в марте–апреле 1917 г. // Вопросы истории. 1956. № 4, 8.

⁴ См., напр.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева. М., 1994; Политические партии России в контексте ее истории. Вып. I. Ростов н/Д, 1996.

и революции в России; б) исследования обогащались идеями цивилизационного подхода, проявившегося во внедрении новых методов изучения (историко-антропологического, феноменологического и т. д.), что позволило восстановить «психосоциальную ткань» революции (В. П. Булдаков и др.); в) использование веберовского принципа свободы от отнесения к ценности и оценки опыта дало возможности рассмотреть проблему версионности партийных проектов в 1917 г.

Произошли подвижки и в теоретической области: а) поставлен вопрос (П. В. Волобуев, Г. З. Иоффе и др.) о том, что революция не исключает эволюцию, т. е. в период от февраля к октябрю 1917 г. были мирные, эволюционные периоды, позволявшие закрепить ее демократические начинания, что, однако, не устраивало радикалов; б) прозвучал вывод о том, что в 1917–1918 гг. произошла не одна, а серия революций: солдатская, крестьянская, национальная, пролетарская, смыслом которых было крушение империи (В. П. Булдаков, П. В. Волобуев и др.); в) был поставлен вопрос о правомерности признания закономерности социалистических революций вообще, т. е. объективно последними закономерными революциями признаны буржуазно-демократические со своими особенностями в тех или других странах (регионах)¹; также доказывалось, что пролетарская революция не являлась синонимом социалистической; г) сформулирована проблема происхождения революционных мифов через представление истории грандиозных революций как истории великих утопий и наивных иллюзий одновременно², в связи с чем большевизм рассматривался как «ставший обычным в XX в. доктринальный самообман», являвшийся источником разгула «иллюзорного сознания»³.

Менялось концептуальное содержание конкретно-исторических разработок, складывалась новая историографическая традиция освещения деятельности политических партий в 1917–1920 гг., уточнялась их классификация по политической доктрине, в результате чего речь шла отныне о трех блоках партий:

¹ Бурганов А. Х. Октябрьская революция – социалистическая? // Кентавр. 1992. Ноябрь–декабрь.

² Булдаков В. П. Красная смута. М: РОССПЭН, 1997. С. 320.

³ Там же. С. 317.

консервативных, прекративших существование после Февраля¹, либерально-демократических (В. В. Шелохаев, Н. Г. Думова и др.), социалистических, наиболее неоднородных и многочисленных (К. В. Гусев, М. И. Смирнова, С. В. Тютюкин, Н. Д. Ерофеев, А. П. Ненароков и др.).

Деятельность либералов в лице кадетов рассматривается как попытка партии, ставшей правящей и имевшей соответствующую программу в политико-правовой, социальной, национальной областях (В. В. Шелохаев), осуществить демократизацию страны, стабилизировать обстановку, блокируясь с умеренными социалистами. Либерализм, при всех тактических промахах действовавших под его знаменем кадетов, проявил себя как самостоятельное и в какой-то степени самодостаточное направление, во многом потерпевшее неудачу из-за чрезмерной сложности ситуации, в первую очередь, продолжавшейся войны.

Серьезные подвижки произошли и в освещении деятельности эсеров, которые, по мнению ученых, после Февраля пытались реализовать альтернативный проект социального прогресса для России на основе учета ее особенностей политико-экономического и социально-психологического плана, признав народно-трудовой характер революции и негативно воспринимая радикалистские устремления как правых, так и левых. Сегодня прослежена эволюция их взглядов и оценок после Октября, переход от умеренной оппозиции к вооруженной конфронтации, а затем и отказ от нее (Б. Ярцев, Н. Д. Ерофеев и др.), выявлены причины происходивших перипетий.

Весьма интересная трактовка на современном этапе дана и социал-демократам (меньшевикам) в 1917 г. Причем, успешность ее формирования во многом связана с реализацией междуниверситетского (российско-американского) проекта по истории меньшевизма (Леопольд Хеймсон, Зива Галили, Альберт Ненароков и др.) Именно данной группой ученых сегодня выявлены характерные черты меньшевизма как партии и общественно-политического течения: приверженность плехановской схеме исторического развития России; убеждение в том, что главную роль

---

¹ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001; Чхартшвили П. Ш. Черносотенцы в 1917 г. // Вопросы истории. 1997. № 8.

в историческом процессе играют трудящиеся массы, а не революционная элита или вожди; западническая ориентация меньшевиков¹. Очень важен и итоговый вывод Л. Хеймсона: Ленин и Мартов олицетворяли собой в 1917 г. две разные политические культуры: конфронтационно-силовой популизм большевиков, допускавший откровенное манипулирование массами, и противостоявший ему меньшевистский курс на достижение общенационального консенсуса в рамках демократической законности. Поэтому, как заметила Зива Галили, меньшевики и пытались играть в событиях 1917 г. роль социальных посредников².

3. Достаточно интересной и многомерной по концептуальной насыщенности представляется эмигрантская литература, посвященная событиям 1917–1920 гг. в России. Спектр ее оценок весьма широк, но в центре внимания, например, авторов-либералов, как свидетельствует анализ их работ (*П. Н. Милюкова, П. Б. Струве, В. Набокова, П. Новгородцева, В. Маклакова* и др.), были три проблемы: причины происшедшего; большевизм как социально-ментальное явление; поиск смысловой доминанты для России по мере преодоления большевизма, в частности форм государственности. Историографическая либеральная традиция в виде двух ее направлений – либерально-демократического и либерально-консервативного – была заложена «Историей второй русской революции» П. Н. Милюкова³ и сборником статей о русской революции «Из глубины» П. Б. Струве⁴ и его единомышленников. Главная идея П. Н. Милюкова, особенно ярко выраженная в первом параграфе первой главы под названием «Корни второй революции», состояла в признании объективной обусловленности февральской революции, «общая физиономия» которой определилась в значительной степени «нашим прошлым». Характеризуя это прошлое, П. Н. Милюков в

---

¹ Хеймсон Л. Большевик и большевик (1903–1917): формирование менталитета и политической культуры // Большевики в 1917 году. М., 1994. Т. 1. С. 51–56.

² Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993.

³ Милюков П. Н. История второй русской революции. Вып. I. Киев, 1919; Вып. II. София, 1921; М., 2001.

⁴ Из глубины / под ред. П. Б. Струве. М., 1918; М., 1990.

качестве факторов «отрицательного значения» выделил следующие: слабость российской государственности; примитивность социальной структуры и «слабость социальных прослоек»; незаконченность «культурного типа» и «неорганичность... культурного развития» (новая культурная традиция с Петра I создана всего лишь «восемью поколениями»), народ сохранял «мировоззрение иных столетий»; «максимализм», в известном смысле и утопизм русской интеллигенции, а у значительной же ее части наличие «интернационалистического социализма» как формы «западного идеализма» (в этом согласился со Струве, против которого брал когда-то интеллигенцию «под защиту»)¹. К вышеперечисленным факторам Милюков присовокупил также причины субъективного характера, главной их которых он назвал нежелание «старого режима и его защитников» идти на уступки, в лучшем случае делали их неискренне; к тому же начавшаяся война усугубила трагедию недореформированной России.

Важное место в эмигрантской литературе занимал вопрос о большевизме, поскольку с ним была тесно связана проблема будущего России. Для Милюкова, который, по его же словам, написанием этой книги решал задачи не столько мемуариста, сколько историка, характерна весьма взвешенная оценка большевизма: это, *во-первых*, «не социализм... это – демагогия, и весьма действенная, особенно... при податливости неподготовленной массы на всякие эксперименты; *во-вторых*, победа большевиков не будет кратковременной, это «режим, который будет длиться долгие годы и который доведет Россию до крайней степени разрушения всех ее национальных целей – государственных, экономических и культурных, которые копились долгими веками»².

П. Б. Струве, как и другие авторы сборника «Из глубины» (Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков, С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, С. Л. Франк и др.) дали еще более жесткую характеристику большевизму и тому социализму, который предлагалось строить. По их оценкам, социалистическая идея, перенесенная на русскую почву, *во-первых*, утратила свою объемность, превра-

---

¹ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 17–28.

² Там же. С. 682.

тилась в плоскую концепцию «уравнительной справедливости»¹, соединившись с архаическими общественными структурами, дала второе рождение народнической утопии; *во-вторых*, утопия полного уничтожения зла на земле через разрушение старого строя и насилие стала «величайшей ложью», тем более, что массы восприняли не положительный идеал социализма, а лишь пафос его разрушения²; *в-третьих*, революция 1917 г., явившись «эпизодом мировой войны», была «великим крушением» российского государства и одновременно кризисом такого «мирового явления как социализм», проявившись в его «погромной форме»; революция «была пугачевщиной во имя социализма»³. Связывая с войной все происшедшее в 1917 г. в России, а он был склонен считать единым процессом Февраль и Октябрь, Струве более категоричен в оценках, чем Милюков. Не отрицая наличия объективных причин революции и дав в ряде работ их анализ («в прошлом были не только величие и слава, но и язвы», «было бы слепотой отрицать известную народность большевизма»)⁴, тем не менее, он (как и другие либерал-консерваторы: *М. Родзянко, А. Гучков, В. Маклаков, Пав. и Петр Долгоруковы* и др.) на первый план в той ситуации выдвинул субъективный фактор, заявив, что именно Германии в русской революции принадлежала «роль режиссера, ...роль полицейского устроителя и финансирующей силы...» с целью расчленения России⁵.

Оценивая русскую революцию как катастрофу, и те, и другие авторы также однозначно в качестве главного условия возвращения России в цивилизованную семью народов считали «преодоление большевизма» и восстановление той мощи, которой обладала «историческая Россия», отказавшись от того, что оказалось «несостоятельным перед лицом самой жизни»⁶. Поэ-

---

¹ Из глубины / под ред. П. Б. Струве. М., 1918; М., 1990. С. 176.

² Там же. С. 161, 258, 266–267

³ *Струве П. Б.* Новая жизнь и старая мощь // Избранные сочинения. М., 1999. С. 286.

⁴ *Струве П. Б.* Прошлое, настоящее, будущее (1922) // Избранные сочинения. М., 1999. С. 319, 325.

⁵ *Струве П. Б.* Размышления о русской революции // Избранные сочинения. М., 1999. С. 274.

⁶ Там же. С. 288.

тому для Струве, какими бы путями не пошло восстановление России, главными были два лозунга: «новая жизнь и старая мощь». П. Н. Милюков, в отличие от П. Струве, Пав. Долгорукова и других либерал-консерваторов, дал достаточно конкретную характеристику будущего России, безоговорочно признав его в виде республиканско-демократического и федеративного устройства и отнеся свои надежды на эволюционное развитие внутренних процессов в самой России¹.

Не менее интересные оценки событиям 1917 г. и последующих лет были даны в эмиграции социал-демократическими и эсеровскими авторами. Социал-демократическая литература не была единым монолитом в оценочном плане, уступая в этом эсерам, достаточно единодушным в отрицательном восприятии большевизма. Мартовская группа (*Ф. И. Дан, Д. Ю. Далин, Р. Абрамович, Д. Югов* и др.), объединенная совместной работой в Заграничной делегации РСДРП во главе с Мартовым и изданием журнала «Социалистический вестник» (Берлин), в целом разделяла взгляды своего лидера, изложенные им в работах «Мировой большевизм», «Большевизм в России и Интернационале» и ряде статей². Согласно Ю. О. Мартову, Октябрьская революция (Мартов настаивал именно на этом термине) явилась результатом неспособности Временного правительства «разрубить узел войны» и в этом смысле была неизбежной. Однако большевикам не следовало начинать в России социалистические эксперименты. У них было некоторое «историческое оправдание», состоявшее в том, что большевики довели до конца буржуазно-мужичью революцию, из которой, однако, при отсутствии социалистической революции на Западе, не могло выйти ничего, кроме капитализма. Если бы Ленин с большевиками, совершив свою «якобинскую» революцию, ограничился бы этим, то меньшевики, по словам Мартова, поддержали бы его; но большевики продолжили осуществлять свою «якобинскую» миссию, выполняя ее плохо, неумело, развращая пролетариат своими социалистическими экспериментами и поставив меньшевиков в положение

¹ Милюков П. Н. Три платформы Республиканско-Демократических Объединений. Париж, 1925.

² Мартов Ю. О. Мировой большевизм. Берлин, 1923; *Его же*. Большевизм в России и Интернационале. Берлин, 1923.

оппозиции. Аналогичные взгляды изложил в своей книге «После войн и революций» другой известный меньшевик Д. Ю. Далин¹, утверждавший, что русская революция с самого начала была и осталась революцией буржуазной, а коммунистическое руководство ею он квалифицировал как «маскарад истории». Большевизму Далин предрек вырождение в бонапартистскую диктатуру, в качестве же альтернативы ей предлагал «чистую» демократию как базу демократического, а не «деспотического» устройства. Аналогичные идеи развивали также Дан, Абрамович, Югов и другие меньшевистские публицисты. «Особую позицию», во многом близкую к позиции покойного Плеханова, занимал П. Б. Аксельрод, «патриарх меньшевизма», как часто его называли, не разделявший взгляды Мартова. Он считал взгляды Ленина фальсификацией марксизма и воскрешением бакунизма, советскую власть – контрреволюционным режимом, погубившим все демократические завоевания весны 1917 г., а большевистский *переворот* (иначе он и не называл Октябрь) – «колоссальным преступлением»². Поэтому в борьбе с большевиками он допускал любые средства, при выборе которых существовал лишь один критерий – целесообразность. Аналогичные оценки можно проследить и у другого корифея А. Н. Потресова³, а также у Ст. Ивановича.

К выводам этой части меньшевистских авторов примыкали и оценки неонароднических теоретиков и публицистов (В. М. Чернова, М. Вишняка, А. Аргунова, С. Мельгунова, А. Керенского и др.). Две темы были главными в их трудах: «Октябрь» и «большевизм». Концептуальной в этом отношении является книга В. М. Чернова «Рождение революционной России (Февральская революция)»⁴. Октябрь, по Чернову, с самого начала был контрреволюцией, он полностью отрицал его социалистическую самооценку (как в математике минус, ум-

---

¹ Далин Д. Ю. После войн и революций. Берлин, 1922.

² Аксельрод П. Б. Большевизм и социал-демократия в России. Нью-Йорк, 1919. С. 23, 28–30.

³ Потресов А. Н. В плену у иллюзий. Мой спор с официальным меньшевизмом. Париж, 1927.

⁴ Чернов В. М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж–Прага–Нью-Йорк, 1934.

ноженный на минус, дает плюс, так и в социологии «революция в революции» дает контрреволюцию). Октябрь, по мнению Чернова, не решил ни одной проблемы: ни выведения России из войны (сломав один – германский – фронт, Октябрь провел по стране десятки новых фронтов, перенес состояние войны во все уголки и уголки России); ни аграрный вопрос, приведя к беспорядочно-анархическому расхватыванию земельного фонда с гибелью образцовых хозяйств и т. д.); ни проблему демократизации государственного управления (проведя плебеизацию и чудовищную бюрократизацию всего государства и общества). Со временем тональность оценок изменилась мало, но углубилось их содержание, особенно в объяснении причин происшедшего: во-первых, пришло осознание того обстоятельства, что «максималистски-охлократическая» Октябрьская «революция» являлась порождением максимализма самой русской жизни (Октябрь – заложник российской истории); *во-вторых*, в качестве причины охлократической мутации революции стали рассматриваться внешнеполитические факторы (Октябрь – детище войны, причем войны, фактически проигранной; это «революция отчаяния»). Согласно Чернову, у революции «два лика»: одним она обращена назад, в прошлое – это лик, искаженный гримасами гнева и зла; другим – вперед, это лик, отмеченный печатью терпения и энтузиазма. Поэтому главным, по мнению Чернова, должно было стать сохранение ее нравственного лика. Судя по всему, на такую трансформацию надеялись и эсеровские авторы. Однако победа сталинизма в СССР вернула их к прежним, ортодоксальным оценкам: принять такую мутацию они уже не смогли.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие подэтапы можно выделить в советской историографии проблемы? Общее и особенное в их содержании.
2. В чем состояла сущность «ленинской концепции» революции 1917 г. в России, место и роль в ней различных политических партий?
3. В чем состояли основные тематические направления освещения проблемы в работах отечественных авторов 60–80-х годов?

4. В чем состояла новизна теоретико-методологических подходов при изучении проблемы в 90-е годы XX – начале XXI вв. в отечественной литературе?
5. Как менялось содержание конкретно-исторических разработок?
6. По каким направлениям исследовательского поиска произошло сближение зарубежной и отечественной историографии на современном этапе? Обозначьте проблемы в ходе сравнительного анализа.
7. Какие подходы к характеристике революции 1917 г. в России обозначились в 20-е годы в эмигрантской либеральной литературе? Представьте в виде таблицы.
8. Чем отличались социал-демократические оценки происшедшего в 1917 г. в России? Какие оценочные потоки сложились в эмиграции в 20–30-е годы?
9. Каково содержание неонароднической эмигрантской традиции по освещению проблемы? В каком направлении шла в 20-е годы эволюция их оценок?

Тема 7. Советский политический режим в условиях нэпа. Формирование тоталитарной системы: вопросы историографии и методологии

Лекции 18–19

План

- ∴ 1. Большевики и нэп: три методологических уровня освещения.
- ∴ 2. Современная историография проблемы: новые подходы и концепции.
- ∴ 3. Советский тоталитаризм в историографическом дискурсе.

1. Характерно, что вопрос о переходе к нэпу, уровне его целесообразности с точки зрения объективной обусловленности и в то же время – доктринальной заданности партийных программ различных политических сил в России и за ее пределами начал дискутироваться сразу же. Четко прослеживаются три направления (уровня) оценок.

Первое, представленное широким разбросом мнений: от «Новой России» (1921–1926, ред. Исая Лежнев¹) и «Экономиста» (декабрь 1920 – июнь 1921 гг.) – журналов, издававшихся в России и объединявших беспартийную научную интеллигенцию до меньшевистского «Социалистического вестника» и «Последних новостей» (П. Н. Миллюкова), состояло в признании эволюции большевизма, начавшейся с введением нэпа и означавшей «самодетермидоризацию», объективно обусловленную наличием общедемократической тенденции развития России и не исключенную даже октябрьской революцией, двойственный характер которой (пролетарской – в городе, буржуазно-демократической – в деревне) признавали на первых порах даже большевики. Позднее стало очевидно, что надежды на эволюцию большевизма в условиях нэпа и возможность на его основе вывести страну из «послереволюционной лихорадки» не оправдались. В советской же историографии, вплоть до конца 80-х годов, вывод о нэпе как попытке «самодетермидоризации» режима воспринимался негативно и инкриминировался в качестве «антинаучного» западным «советологам».

---

¹ *Лежнев И.* Записки современника. М., 1935.

Второй уровень оценок, разделяемых в 20-е годы подавляющим большинством авторов, в том числе и многими членами ЦК РКП(б)-ВКП(б), был связан с пониманием нэпа как самого большого отступательного движения ленинизма с целью маневрирования: согласно данной точке зрения, нэп – это временное явление, обусловленное особыми внутренними условиями и международной обстановкой, это тактический ход, временная передышка, зигзаг истории. Именно этот оценочный уровень стал со временем основой сталинских интерпретаций нэпа и причин отказа от него. Вывод же о временном характере нэпа был доминирующим в советской историографии вплоть до середины 50-х годов.

И, *наконец*, начинал в изучаемые годы формироваться подход, согласно которому новая экономическая политика, воспринимаясь, в первую очередь, как система антикризисных мер, стала соотноситься с перспективами общественного развития тогдашней России, приобретая на определенном этапе конкретные черты его стратегического направления. Любопытно, что данный подход, хотя и с весьма существенными оговорками, разделяли представители разных политических направлений, порой – прямо противоположных: в большевистском руководстве в последний период своей жизни к подобной мысли стал склоняться В. И. Ленин, выводя при этом картины однозначно социалистического будущего России; в научных беспартийных изданиях тех лет – носители идеи либеральной модернизации России с постепенным включением ее в общецивилизационный мировой процесс (П. Сорокин, Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, Б. Д. Бруцкус и др.). Промежуточное положение между ними занимали российские социал-демократы и социалисты-революционеры, лидеры которых, к данному моменту оказавшиеся в эмиграции, развили концепцию демократического (конструктивного) социализма, исключавшую возможность демократизации экономики России без существенной трансформации ее политического режима.

Определенные различия в оценках произошедшего в 1921 г. поворота большевиков к нэпу способствовали тому, что в общественно-политической литературе 20-х годов сложились три историографические традиции освещения проблемы: больше-

вистская (с постепенной градацией на ленинско-бухаринскую и сталинскую), социалистическая и либеральная.

Советская историография, начиная с конца 20-х годов, однозначно восприняла сталинский вариант оценок и их аргументации по теме. Ситуация еще более ухудшилась после известного письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» в 1931 г. Как считают многие современные авторы, это письмо сыграло роль «Варфоломеевской ночи» в советской исторической науке. Началась полоса борьбы за «историческую правду», против «гнилого либерализма и примиренчества», против оппортунизма всех мастей, против мировой контрреволюции. «Нельзя вести дискуссии с фальсификаторами истории», – утверждал Сталин в заключение¹. Письмо Сталина широко обсуждалось. Состоялись специальные заседания в Обществе историков-марксистов, в исторических журналах. Наркомпрос РСФСР принял постановление «О пересмотре программ по истории классовой борьбы в связи с письмом т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». В исторической науке началась волна погромов, коснувшаяся в первую очередь представителей старой школы. С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле и другие историки были заклеены как «вредители» и «контрреволюционеры». Конец 1931 – начало 1932 гг. прошли в нервной обстановке проработок, покаяний и т. д. Психоз разоблачений сопровождался усилением в исторической науке культа личности Сталина. Выход в свет в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)», авторство которого было связано с именем Сталина, завершил этот процесс.

Определенные изменения в историческом научном сообществе, как и во всей стране, произошли в конце 1950-х годов. В советской историографии главным образом стали рассматриваться авторские версии, связанные с анализом ленинских взглядов и оценок нэпа (А. Берхин, В. П. Данилов, Э. Б. Генкина, В. П. Наумов, Э. Д. Осколкова, Г. Л. Смирнов и др.). Этот период стал достаточно продуктивным по сравнению с предыдущими годами, поскольку у историков появилась возможность не только

---

¹ Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма // Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 350–359.

цитировать классические тексты, но и включать собственные интерпретации и анализ. Были, в частности, «воссозданы» ленинские концепции нэпа, «военного коммунизма», ленинского плана социалистического строительства¹. И главное: стали предприниматься попытки изучения всех имевшихся вариантов реализации нэповской альтернативы как в самой правящей партии (*Е. Плимак, М. М. Горинов, Е. Г. Гимпельсон, В. С. Лельчук, В. П. Дмитренко* и др.), так и за ее пределами (*Влад. Никитин, В. Костилов, Н. С. Симонов, М. Назаров* и др.). И хотя первоначально, как правило, изучались лишь версии, заложенные в программах, периодических изданиях и других документах различных политических групп и течений, связанных с оценкой уровня реальности создания в 20-е годы в России «нэповского социума», но, тем не менее, закладывались основы для научного познания на более высоком уровне.

2. На современном этапе исследователи интенсивно разрабатывают новую историографическую традицию, овладевая различными методологическими подходами, что проявляется в резко возросшем интересе к личностному содержанию политического процесса, анализу ментальности, истории русской повседневности и т. д. В этой связи усилились попытки зафиксировать момент зарождения изломных процессов, вызвавших глубокую деформацию в общественном сознании.

Поворот в рыночной экономике 80-х годов вызвал исследовательский «бум» к истории 20-х годов. Ряд авторов (*Е. Плимак, В. П. Наумов, Г. Сироткин* и др.) проанализировали суть «ленинского завещания», акцентируя внимание на выводах, которые В. И. Ленин сделал в своих последних статьях о «перемене всей точки зрения на социализм» и о необходимости «предпринять ряд перемен в нашем политическом строе». Эти выводы трактовались данными исследователями как поворот к рыночному социализму с широкой демократией, плюрализмом в политике, либерализацией экономики. После того, как

¹ См., напр.: *Гимпельсон Е. Г.* Военный коммунизм: политика, практика, идеология. М., 1973; *Берхин И. Б.* Ленинский план построения социализма. М., 1960; *Генкина Э. Б.* Государственная деятельность Ленина: 1917–1923. М., 1969.

М. С. Горбачев в своем докладе в связи с 70-летием Октябрьской революции положительно оценил деятельность Н. И. Бухарина, в соответствующей литературе стала активно развиваться идея ленинско-бухаринской альтернативы общественного развития в эти годы. Работа в этом направлении особенно активно велась исследователем Е. Г. Плимаком¹, отстаивающим данную концепцию в последней своей монографии².

Вообще к середине 90-х годов исследователи вышли на новый уровень обобщения: анализу подвергались, в частности, внутренние и внешние конфликты в нэповском социуме³.

В отечественной историографии утверждается мнение, что основной содержательной характеристикой процесса организации нэповского социума стало растущее негативное отношение к власти, переход в оппозицию с введением нэпа значительной части общества. *Е. Г. Гимпельсон, В. С. Измозик, И. Б. Орлов*⁴ обратили внимание на оживление разномыслия в идеологической сфере после перехода к нэпу, неприятие в целом обществом самой идеологии большевизма, вследствие чего оно не могло положительно воспринимать большинство инициатив власти.

Были предприняты попытки проанализировать соотношение конструктивных и деструктивных начал в партийном руководстве общественными структурами и организациями. Современные исследователи доказали, что основным результатом их взаимоотношений стало их огосударствление, трансформация пришедшей им внутренней природы⁵.

Начало 2000-х годов характеризуется расширением предметного поля исследования. Усилилось внедрение системно-синергетического подхода и аксиологического принципа, раз-

---

¹ Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций. М., 2000.

² Плимак Е. Г. Политика переходного периода. В. И. Ленин. М., 2004.

³ См., напр.: Никулин В. В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929). СПб., 1997; Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923 годы. М., 1995; Роговин В. З. Власть и оппозиция. М., 1993.

⁴ См., напр.: Орлов И. Б. Социально-экономические аспекты общепартийной дискуссии 1923–1924 годов. М., 1994.

⁵ См., напр.: Файн Л. Е. Нэповский эксперимент и кооперация // Вопросы истории. 2001. № 7.

рабатывается модернизационная парадигма, предоставляющая наиболее широкие рамки интерпретации политической истории 20-х годов. Провал нэпа стали связывать с изначальной обреченностью «кризисной модели» развития постреволюционного социума¹. Активно исследуется противостояние двух тенденций: на демократизацию политической системы и на сохранение ее «военно-коммунистических» основ. По-новому оценивается кризис начала 20-х годов, как кризис, логично структурно тяготеющий к гражданской войне, а не к нэпу, и вызванный скорее социальными и политическими причинами, чем экономическими².

Необходимо отметить, что сегодня авторы рассматривают процесс самоорганизации общества в 20-е годы неотделимо от исследования борьбы большевистской власти с социалистической оппозицией. В этой связи представляет научный интерес монография Д. Б. Павлова, который рассматривает *репрессии как основной системообразующий элемент советского государства*. Автор обращает внимание на то, что большевистских лидеров не устраивала ни одна из моделей поведения их оппонентов, включая попытки быть конструктивной, легальной режиму, советской оппозицией³.

На современном этапе проблема ликвидации советским режимом небольшевистских партий стала одной из центральных тем исследований. В 1993 г. обществом «Возрождение», объединившим людей, пострадавших от коммунистического террора – узников ГУЛАГа, была опубликована книга голландского ученого Марка Янсена «Суд без суда»⁴. Главной идеей работы стало признание проведенного судилища как «самого крупного политического процесса коммунистической России досталинской эры», процесса, посредством которого коммунисты «раз и

¹ НЭП: завершающая стадия: соотношение экономики и политики / отв. ред. В. П. Дмитриенко. М.: ИРИ РАН, 1998; *Гимпельсон Е. Г.* Нэп и советская политическая система 20-х годов. М.: ИРИ РАН, 2000.

² *Кружинов В. М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти. М., 2001; *Семанов С. Н.* Кронштадтский мятеж. М., 2003.

³ См.: *Павлов Д. Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999; *Россия нэповская* / под ред. С. В. Павлюченкова. М., 2004.

⁴ *Янсен М.* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

навсегда» покончили со своими социалистическими соперниками¹. Вполне резонным было замечание автора и о том, что на момент начала 90-х годов официальная историография по-прежнему представляла данный процесс как меру вполне оправданную. В последнее время вышел еще ряд работ (*К. Н. Морозова, Н. Б. Богдановой, Г. Н. Ивановой* и др.), в которых на обширном документальном материале, связанном с процессами 1922 г. над эсерами², 1931 г. над меньшевиками³, доказывается, что гибель оппозиционных партий была предрешена так же, как и неизбежным стало усиление интенсивности превращения советского режима в тоталитарный. В известном смысле, данными авторами внесен ряд новых аргументов в давний спор между русскими диссидентами, в частности, между Александром Солженицыным и Роем Медведевым, в котором первый из них в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» не усматривал существенных различий между террором Ленина и Сталина, назвав процесс 1922 г. первым крупным политическим процессом и поставив его в один ряд позорными показательными судилищами более позднего периода. Рой Медведев не приравнивает ленинизм к сталинизму, но в своем труде «К суду истории» признает, что, действительно, суд над эсерами имел серьезные недостатки, и что уже тогда виноват во многом был Сталин⁴.

Таким образом, в современной историографии были исследованы и получили известное разрешение следующие проблемы по изучаемому вопросу:

- власть и оппозиция (как внутрипартийная, так и «внеистемная») (*Е. Г. Гимпельсон, В. С. Измозик, Б. Г. Литвак, В. З. Роговин* и др.);
- формирование политического пространства нэповского социума, как структурно многовекторного и неоднозначного, к унификации которого в 1920-е годы и приступила активно большевистская «верхушка» (*В. В. Никулин, И. Б. Орлов,*

¹ Янсен М. Указ. соч. С. 6.

² См.: Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремные противостояния: этика и тактика сопротивления. М.: РОССПЭН, 2005.

³ Богданова Н. Б. Судебный процесс Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) в 1931 году // Отечественная история. 2001. № 2.

⁴ Медведев Р. К суду истории. М., 1995.

С. В. Павлюченков, В. А. Шишкин, И. В. Павлова, Л. В. Борисова и др.);

- процесс усиления как идеологического, так и прямого воздействия на «инакомыслящих», сопровождавшийся становлением тоталитарного режима (*Г. М. Иванова, М. Н. Кузнецов, С. Н. Семанов, П. Аврех, Ю. А. Щетинов, Марк Янсен, К. Н. Морозов, Д. Б. Павлов и др.*).

3. Проблема определения характера сложившейся к началу 30-х годов политической системы в СССР стала одной из самых актуальных в историографии современного периода, точнее – его начала. На рубеже 80–90-х годов наиболее распространенными были дефиниции типа: «административно-командная система партийно-государственного руководства страной»; «система личной власти Сталина» и т. д.¹ В начале 90-х годов возник термин «*тоталитаризм*», который стали активно использовать социологи, философы, экономисты. Наиболее консервативными здесь оказались те, кого данная проблема касалась непосредственно – историки, специализирующиеся на исследовании 30–40-х годов. Впрочем, в 1991 г. председатель Госкомархива России Р. Г. Пихоя в интервью газете «Известия» высказал важное положение о том, что «безошибочным признаком» всякого тоталитарного режима является неостребованность архивной информации². В 1992 г. авторы (*Б. Борисов, А. Голубев*) обзорно-аналитической статьи «Тоталитаризм в отечественной истории» вынуждены были констатировать, что на данном этапе – если не в науке, то в обыденном сознании – на первый план выдвинулась концепция сталинского «тоталитаризма», которая помогает осмыслить некоторые существенные черты политических режимов XX в.³ Действительно, именно в этот период историография шагнула

¹ См., напр.: Историки спорят. Тринадцать бесед. М.: Политиздат, 1988; Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989; Иного не дано. М.: Прогресс, 1988.

² См.: *Хорходина Т. И.* Архивы и тоталитаризм // Отечественная история. 1994. № 6.

³ *Борисов Б., Голубев А.* Тоталитаризм в отечественной истории // Свободная мысль. 1992. № 14.

за «красные флажки» идеологических табу, чтобы приступить к научному рассмотрению феномена отечественного тоталитаризма в неммысленном ранее контексте конкретно-компаративистского анализа сталинизма.

Своего рода кульминационным пунктом в *упрощенно-публицистическом* толковании этого термина стало определение, появившееся в изданном в 1993 г. энциклопедическом словаре «Политология»: «*Тоталитаризм* – государственный строй, осуществляющий абсолютный контроль над всеми областями общественной жизни.., Сталинский и гитлеровский режимы – прототипы этого идеала»¹.

Представляется, что более научное обоснование данному термину, как и истории его возникновения и использования, было дано двумя отечественными авторами *Ю. Игрицким* и *И. Мазуровым*². Так, в статье последнего обращено внимание на то, *термин «тоталитаризм»* стал употребляться для обозначения фашистского режима в Италии и германского национал-социалистического движения еще в 20-е годы. С 1929 г., начиная с публикации в газете «Таймс», его стали использовать на Западе и в отношении к политическому режиму Сталина. На симпозиуме, организованном Американским философским обществом в 1939 г., впервые была сделана попытка дать *научную трактовку тоталитаризму*; он был определен как «восстание против всей истории цивилизованной Европы»³. В 1952 г. в США была проведена конференция, посвященная этому социальному феномену, где был сделан вывод, что «*тоталитарным можно назвать закрытое общество, в котором все – от воспитания детей до выпуска продукции – контролируется из единого центра*». В монографии К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия», вышедшей в 1956 г., при определении общей модели «тоталитаризма» были названы шесть его признаков: единая массовая партия; официальная идеология, признаваемая всеми; монополия на средства массовой информа-

¹ Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 375.

² *Игрицкий Ю.* Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на западе // История СССР. 1990. № 6; *Мазуров И.* Фашизм как форма тоталитаризма // Общественные науки и современность. 1993. № 5.

³ См. более подробно: *Игрицкий И.* Указ. соч. С. 179.

ции; монополия на все средства вооруженной борьбы; система террористического полицейского контроля; централизованная система контроля и управления экономикой. Вопрос о количестве признаков в его структуре решается неоднозначно: пять – по Л. Шапиро, три – по В. А. Тихонову и В. И. Кандаурову¹, по И. Мазурову – шесть. Однако последний, обозначив тоталитарные режимы в Германии и сталинском СССР проявлением «тоталитарного максимализма», выделил один фактор в качестве самодовлеющего, представляющего суть тоталитаризма – это наличие *общественно-политического движения тоталитарного типа*², т. е. с тоталитарной идеей (расовой – в Германии, классовой – в СССР). Главным отличием, по его мнению, тоталитарной системы от авторитарной являлось отсутствие в последней монопольного общественно-политического движения, что делает ее достаточно неустойчивой и склонной к изменению в сторону либо демократии, либо тоталитаризма.

По-прежнему важнейшим в плане обозначенной темы является вопрос о том, была ли у Сталина *определенная концепция* грядущих изменений или был лишь «*грубый эмпиризм, подчинение политической теории и стратегии текущим тактическим задачам...*»³. Многие авторы, признавая, что действительно происходила «частая смена политических установок» с последующим изобретением «псевдотеоретических обоснований», тем не менее склонны считать, что был комплекс *идеологических постулатов*, которым Сталин следовал, по существу, всю свою жизнь в политике. Главным из них являлось представление о коммунизме как *текущей задаче повседневного строительства* реализуемой при жизни данного поколения; отсюда, с одной стороны, появление в осложнившихся условиях, действительно псевдотеорий: *о возможности победы социализма в одной стране* (кстати, ставшей одним из основных *идеологических* аргументов в пропагандистской риторике тех лет), об усилении *классовой борьбы* по мере продвижения к социализму и коммунизму (*впер-*

¹ Тихонов В. А., Кандауров В. И. К вопросу об индустриальных корнях тоталитаризма // Актуальные проблемы политической истории России: сб. тезисов и докладов. Ч. 2. Брянск, 1992.

² Мазуров И. Указ. соч. С. 52.

³ Политология. Энциклопедический словарь... С. 363.

вые Сталин выдвинул этот тезис в речи на VIII съезде ВЛКСМ в мае 1928 г.; после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. он стал партийной директивой); с другой – создание, начиная с XVI съезда ВКП(б) (1930 г.), постоянных комиссий по переработке действовавшей партийной программы (XVI, XVII, XVIII съезды ВКП(б)) в связи с приближением к коммунизму и планированием перехода к прямому продуктообмену, бесклассовому обществу и т. д.

Непререкаемым в концепции Сталина оставался тезис о *партии как ордене меченосцев* и о противостоянии ее всем остальным общественным организациям и движениям. И в этой связи, безусловно, как своего рода пропагандистский трюк, рассчитанный на собственных граждан и на мировое сообщество рассматривается вопрос о целях и задачах принятия Конституции 1936 г.¹

В начале 2000-х годов продолжалось формирование новых исследовательских направлений: мобилизационное планирование и политические решения конца 20 – середины 30-х годов (О. Н. Кен²), история ГУЛАГа через социально-экономические и политико-правовые аспекты (Г. М. Иванова³, Ю. Н. Жуков и др.), содержание данного периода как продолжение глобального излома двух эпох (Е. Г. Гимпельсон⁴ и др.). Проблема государственной системы и общества стала одной из приоритетных в новейшей историографии, о чем свидетельствуют «круглые столы» по истории советского прошлого 20–30-х годов и их главный ракурс: поиск понимания и выработка методик изучения⁵. По-прежнему актуальна проблема интеллектуальных предпосылок утверждения сталинизма в отечественной и зарубежной историо-

¹ Жуков Ю. Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // Вопросы истории. 2002. № 1.

² Кен О. Мобилизационное планирование и политические решения конца 20-х – середины 30-х гг. СПб., 2002 (Мухин М. Рецензия // Отечественная история. 2004. № 3).

³ Иванова Г. М. История ГУЛАГа (1918–1958): социально-экономические и политико-правовые аспекты. М., 2006.

⁴ Гимпельсон Е. Г. Россия на переломе эпох: осмысление XX столетия российской истории. М., 2006 (Соколов А. С. Рецензия // Вопросы истории. 2007. № 1).

⁵ «Круглый стол». Советское прошлое: поиски понимания / Материалы подготовил С. С. Секиринский // Отечественная история. 2000. № 4, 5.

графии и попытки выявления границ ленинизма и сталинизма как политических явлений через создание серии политических портретов людей и их окружения (Н. Яковенко, О. Хлевнюк, Е. Котеленец, Л. С. Хромов, Е. Г. Гимпельсон и др.); их сравнительный анализ.

Контрольные вопросы и задания

1. Каково содержание трех методологических уровней оценок поворота большевиков 1921 г. в общественно-публицистической литературе тех лет? Ее особенности.
2. Определите характер дифференциации оценочных срезос освещения произошедшего поворота в большевистской и эмигрантской печати.
3. В чем состояло расширение тематических границ идеологической борьбы в 20-е годы и их преломление в работах профессиональных историков тех лет?
4. Какую роль сыграло письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931 г. № 6) в монологизации и сталинизации истории российских политических партий и истории большевизма?
5. Каковы были последствия издания «Истории ВКП (б). Краткого курса» (М.–Л., 1938) в методологии и историографии?
6. Согласны ли Вы с характеристикой советской исторической науки, данной Ю. Н. Афанасьевым как «репрессированной науке»? В чем это проявилось?
7. Каково содержание оценок сталинизма представителями двух направлений зарубежной историографии: школы «ревизионистов» и «тоталитарной» школы?
8. Проблема истоков советского тоталитаризма в работах западных и отечественных исследователей новейшего периода историографии. В чем сходство и различие подходов?
9. Каковы научные результаты попыток выявления границ сталинизма как политического явления? (Работы А. Яковенко, О. Хлевнюка и др.)
10. Используя метод *просопографии*, проведите историографическую работу по воссозданию коллективного портрета сталинского окружения.

Тема 8. Попытки реформирования советской политической системы «сверху»: вопросы методологии и историографии

Лекции 20–21

План

- ⋮ 1. Историография хрущевской «оттепели»: проблематика, ее специфика и оценки.
- ⋮ 2. Перестройка М. С. Горбачева и ее современные историографические характеристики.

1. Данная тема в историографическом плане примечательна тем, что в теоретических дискуссиях¹, связанных с ее основными сюжетными линиями, несмотря на появление различных модификаций и версий, неизменно прослеживается взаимосвязь и взаимовлияние профессионального и непрофессионального компонентов в формировании ее проблематики.

Известная активность *непрофессиональной публицистики* во второй половине 50-х – 60-е годы, а затем в середине 80 – начале 90-х годов имела историографически позитивное значение, так как она явно стимулировала постановку новых проблем историками, вырвав некоторых из них из узкокорпоративного понимания допустимости и недопустимости обращения к тем или иным вопросам.

Какими же причинами был вызван феномен историографической публицистики, на какое-то время превративший *литературно-публицистический метод* в универсальный? *Прежде всего*, общественное мнение в середине 50 – начале 60-х годов и еще более в период перестройки требовало *диалога*, предоставляя определенные возможности для выступления непрофессионалов. *Во-вторых*, литературная публицистика оказалась более радикальным способом интеллектуального воздействия на общество. *В-третьих*, ситуация усугублялась и тем, что уровень

---

¹ «Круглый стол». Советское прошлое: поиски понимания / Материалы подготовил С. С. Секиринский // Отечественная история. 2000. № 4, 5.

профессионализма многих историков в условиях авторитарной системы был занижен. *В-четвертых*, история, как правило, оказывается легко «проницаемой» для непрофессионалов¹.

Действительно, еще не прошел XX съезд КПСС, но определенное «потепление» обстановки было зафиксировано отдельными писателями и поэтами, позволившими себе некоторое «вольнодумие» в сочетании с надеждой. В мартовском номере журнала «Новый мир» (1954 г.) была опубликована поэма его главного редактора А. Твардовского «За далью даль», а в пятом номере напечатана повесть И. Эренбурга «Оттепель», вызвавшая широкий общественный резонанс в связи с заключительной фразой об «иззябшем за зиму мире». Такой же резонанс вызвала новая поэма А. Твардовского «Теркин на том свете», обсуждение которой в редакции вызвало критику: К. Симонов увидел в слове «загробюро» явный намек на Политбюро. В последовавшем обсуждении работы журнала и творчества его редактора на заседании Секретариата ЦК КПСС с критикой выступил уже Н. С. Хрущев. А писатель Василий Гроссман в повести «Все течет...», над которой он в то время работал, казавшееся многим необъяснимым безумием самоистребление в сталинский период, представил как новую действительность, имевшую свою логику: «партия стала государством, оно же стало партийным государством, государством партии», причем это слияние «нашло свое выражение в личности Сталина»². На обсуждении романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» 22 октября 1956 г. писатель К. Паустовский говорил о кастах и классах в советском обществе, а запись его речи многократно перепечатывали и распространяли первые самиздатчики.

Еще острее роль литературной публицистики как важнейшего *историографического явления* проявилась в период *перестройки*. Пьесы М. Шатрова, повести и романы В. Астафьева, Д. Гранина, В. Дудинцева, А. Бека включали элементы литературной публицистики. Характерно, что свой анализ советской системы управления и ставшее классическим определение ее как

¹ Левин Г. Д. Непрофессионалы в профессиональном споре // Вопросы философии. 1996. № 1. С. 178.

² Цит. по: Бочаров А. Время собирать камни. «Малая проза» Василия Гроссмана // Вопросы литературы. 1989. № 7. С. 34.

«административно-командной» системы экономист Г. Х. Попов дал, анализируя произведения А. Бека «Новое назначение». Философ Г. Водлазов обосновывал необходимость восстановления подлинных марксистских принципов, обращаясь к героям повести В. Гроссмана «Все течет»¹.

Таким образом, историографическая публицистика стала тем фундаментом, на котором конструировались многие сюжетные линии профессиональной историографии.

Как известно, отечественная историография определяет *первое постсталинское десятилетие как время «оттепели», т. е. попыток обновления советской системы*. Отмечается чрезвычайное многообразие литературы по проблеме, использующей несколько парадигм ее рассмотрения. Одной из часто применяемых является парадигма «модернизирующегося социалистического режима»². В рамках этого подхода Е. Ю. Зубкова одной из первых сосредоточила внимание на проблематике общественных изменений 50-х годов, введя термин «реформационный поворот» и рассмотрев его критические точки и этапы. Однозначно хрущевские реформы были оценены как антисталинская стратегия и образ политического действия. Одновременно определялись издержки их осуществления «сверху»³. Работы этого автора способствовали кристаллизации такой важной проблемы как *власть и общество* в период «оттепели». Многие авторы (Е. Ю. Зубкова, Н. А. Барсуков и др.)⁴ обратили внимание на такой феномен послесталинского времени, как *возрождение общественного мнения*, которое формировалось в атмосфере публичных высказываний о культе личности Сталина и политике пар-

---

¹ См. более подробно: *Логунов А. П.* Трансформация образа отечественной исторической науки в середине 90-х гг. XX в. // Россия в новое время: историографический образ и проблемы интерпретации: сборник докладов I–V научных конференций. М.: РГГУ, 1998. С. 114.

² *Стариков Н. В.* Эпоха оттепели и этапы эволюции сталинизма: вопросы историографии // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 316–318.

³ *Зубкова Е. Ю.* Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 гг. // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4; *Ее же.* Общество и реформы. 1945–1964 гг. (Послесловие П. В. Волобуева). М., 1993.

⁴ *Барсуков Н. А.* Обратная сторона «оттепели». (Историко-документальный очерк) // Кентавр. 1993. № 4; *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993.

тии в недавнем прошлом и в настоящем, о борьбе за лидерство в верхах и положении в стране. Причем, авторы выделяют *три пласта* общественного мнения: *официозный*, который реализовывался партийными установками в печати, радио и телепередачах; *традиционный советский менталитет*, присущий значительной части общества; *критическое общественное мнение*, все более расширявшееся после XX съезда КПСС. Его, как считают авторы, представляли в первую очередь «низы», фрондирующие по отношению к власти и политической линии партии, но еще, как правило, не к системе¹. Однако на волне десталинизации, появление «лазов» в железном занавесе, развития инакомыслия возникали те силы («шестидесятники»), которые в будущем проявили себя в диссидентском движении и неформалитете периода перестройки, – таков вывод вышеобозначенных авторов. От систематизации политической хроники² через статьи определенного теоретического уровня³ в историографии утверждалась критика «системного порядка». Проблемы демократизации хрущевского периода переплетались с историографической дискуссией о природе и границах сталинизма. Реабилитация жертв террора как специальная тема почти не разрабатывалась в 60–70-е годы. Однако после обнародования материалов комиссии Политбюро ЦК КПСС⁴ и вызванных ими публицистических статей и исследовательских материалов тема привлекла большое внимание⁵ и остается весьма актуальной по настоящее время.

По-прежнему интенсивно изучается вопрос об уровне реформационного поворота в середине 50 – начале 60-х годов. И в этой связи авторы всестороннее проанализировали причины половинчатости хрущевских реформ (А. В. Пыжиков, Ю. В. Аксютин, Ю. П. Денисов и др.). Как, например, считает Ю. П. Денисов,

---

¹ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995. С. 234.

² См.: Свет и тени «великого десятилетия»: Н. С. Хрущев и его время. М., 1990.

³ См. напр.: Осмыслить культ Сталина. М., 1989; *Гейфтер М. Я.* Сталин умер вчера // Иного не дано. М., 1988.

⁴ Реабилитация: Политические процессы 30–50-х гг. М., 1991.

⁵ *Борисов Ю., Голубев А.* Тоталитаризм и отечественная история // Современный мир. 1992. № 14; *Степовский Ю.* История советских репрессий. В 2 т. М., 1997.

огромную роль играло сохранение тоталитарной политической системы, слабая готовность общества к переменам, менталитет самого Н. С. Хрущева, как человека той эпохи, с его переоценкой роли субъективного фактора, фанатичной веры во всемогущество партии и государства, во всеилие лозунга и декрета¹.

С этих позиций можно рассматривать и активизацию внимания к эволюции политической системы, попытки оценить изменения в структуре советского общества как результат *политической модернизации*, выявить характерные черты развития политического общественного сознания². Одновременно достаточно остро дискутировался вопрос о характере власти «партии-государстве», бюрократии, номенклатуре и др. В ряде исследований «оттепель» представлена как один из этапов дифференциации правящей элиты, становления иерархических структур, происходивших в ходе столкновений различных партийных групп и действующих лиц³. В какой-то степени это стало, как считают современные авторы, одной из причин растущего недоверия и недовольства масс, попыток открытого противостояния власти (Новочеркасск, 1962 г.)⁴.

Своего рода обобщением научных наработок по данной проблематике стали последние работы Пыжикова⁵, в которых суть системы власти при Хрущеве рассматривается в качественных параметрах *возрастания роли* партии. Это стало, по его мнению, ответной реакцией на попытки Берии фактически упразднить КПСС. Важной Хрущевской новацией он считает попытку усилить роль Советов в общей структуре власти, а также замену доктрины диктатуры пролетариата другой теоретической схемой – концепцией общенародного государства.

---

¹ Денисов Ю. П. Никита Сергеевич Хрущев // История России: IX–XXI вв. От Рюрика до Путина. М.: ИКЦ «МарТ», 2007.

² Касьянов В. С. Политика реформ во второй половине 50-х – первой половине 60-х гг.: историко-политологический анализ. М., 1992; Кушнин А. Г. Генезис политико-административного устройства Советской России. М., 1991.

³ Джавланов О. Т., Михеев В. А. Номенклатура: эволюция отбора: Историко-политологический анализ. М., 1993; Восленский М. Номенклатура. М., 1992.

⁴ Козлов В. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.

⁵ Пыжиков А. В. Политические преобразования в СССР (50–60-е гг.). М., 1999; Его же. Хрущевская «оттепель». М., 2002.

Таким образом, можно констатировать, что большинство авторов¹, занимающихся данной проблематикой, признают наличие попыток «реформации» в политическом процессе второй половины 50 – начала 60-х годов, как и тот факт, что идеи и опыт этих лет в какой-то степени создали идейные и социально-политические предпосылки будущих перемен.

2. События второй половины 1980 – начала 1990-х гг. получили название «перестройка», а чуть позже в некоторой части литературы – «эра» или «эпоха М. С. Горбачева». Практика выделения особых «именных» эпох советской истории, соотносимых со временем правления тех или иных государственных лидеров, в отечественной историографии носит условный характер, но является общепризнанной на западе.

В нашей стране для многих, Горбачев – «прораб» неудавшейся и даже ставшей катастрофической перестройки²; другие видят в первом и последнем советском президенте реформатора (а потому – обреченного на непонимание при жизни), либерала, человека, который «хотел как лучше», реализуя свои идеалы³. Характерно и другое – негативность значительной части исследователей перейти к более глубокому анализу содержания реформ Горбачева и значения всего произошедшего тогда.

А ведь перестройка 1985–1991 гг., названная некоторыми авторами, как правило, зарубежными (*Н. Верт* и др.) «революцией Горбачева»⁴, действительно оказала громадное влияние

---

¹ *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004.

² См., напр.: *Болдин В. И.* Крушение пьедестала: Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995; *Коробейников А. А.* Горбачев: другое лицо. М., 1996; *Крючков В. А.* Личное дело. М., 2003; *Олейник Б. И.* «Князь тьмы». Два года в Кремле. М., 1992.

³ *Печенев В.* Горбачев: к вершинам власти. Из теоретико-мемуарных размышлений. М., 1991; *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым. М., 1993; *Его же.* 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997; *Грачев А. С.* Горбачев: Человек, который хотел как лучше. М., 2001; *Ципко А.* «Он не мог сказать: “Расстрелять”». Перестройка Горбачева: случайность или моральный выбор // Литературная газета. 2000. № 50–51 (5815). 20–26 декабря.

⁴ *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 439; М.: Инфра, 2002.

на состояние исторической науки и исследовательскую практику. Доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка» (1987 г.) с постановкой вопроса об обновленных перспективах развития, реабилитации видных деятелей партии (*Н. И. Бухарина* и др.) способствовали формированию новой историографической традиции, у истоков которой стояли не только профессионалы, но и писатели, публицисты. В первую очередь было раскрепощено «Слово». *Гласность*, которая, как считают авторы¹, первоначально была лишь политическим лозунгом, направленным на «модернизацию» государственной идеологии, позволила выйти на поверхность мнениям, существовавшим не только в среде «неформалов», но и *обществоведов*.

Постепенно осознавалась задача перестройки исторической науки и более глубокого постижения как прошлого, так и настоящего². В *сфере теоретической* речь пошла о размывании представлений о стадильном развитии исторического процесса; в *сфере методологической* было признано значимым движение к формированию диалоговых основ в исследовательской практике; в *области конкретных исторических разработок* внимание привлекли проблемы взаимоотношений *власти и общества*, основные тенденции политического развития и т. д.

Безусловно, оценочные срезы были, зачастую, разновекторными. Если одни авторы (*Ю. Н. Афанасьев, О. В. Волобуев, С. В. Кулешов*) настаивали на избавлении от догматизма, начетничества и т. д.; другие продолжали оперировать аргументами традиционного подхода³, критически оценивая происходившие в массовом историческом сознании перемены. Характерным для формирувавшейся новой историографической традиции являлось признание мировоззренческого сдвига второй половины 1980-х годов как своего рода победу идеологии «шестидесятников»⁴.

---

¹ *Верт Н.* Указ. соч. С. 441.

² *Волобуев О. В., Кулешов С. В.* Очищение. История и перестройка. М., 1989; *Иного не дано.* М., 1988; *Афанасьев Ю. Н.* Перестройка и историческое знание // Наука и жизнь. 1988. № 9.

³ *Казинцев А. И.* Новые политические мифы: опыт публицистического исследования. М., 1990.

⁴ *Пихоя Р. Г.* О некоторых аспектах историографического кризиса или о непредсказуемости прошлого // Новая и новейшая история. 2000. № 4.

Число работ, созданных в рамках российской академической науки и посвященных истории перестройки, сравнительно невелико. Весьма обстоятельным можно признать соответствующий раздел «Семи вождей» Д. А. Волкогонова¹. Заявляя о «феномене перестройки» и «парадоксе Горбачева», историк впервые комплексно подошел к изучению политической биографии первого и последнего президента СССР. К числу несомненных достоинств исследования следует отнести обширную источниковую базу и стремление к *взвешенным оценкам*. Такой же подход отличает «*Политическую историю современной России*» В. В. Согрина², которая является, по сути, курсом лекций по заявленной проблематике. Но в период историографического вакуума середины 1990-х годов это была одна из первых попыток закрыть образовавшуюся брешь, найти «золотую середину» в оценке недавних событий, кардинально изменивших страну и общество. В. В. Согрин не ставил целью изучить исключительно горбачевский период, но рассмотрел и ближайшие его последствия, проявившие себя в первые годы пребывания у власти оппонента Горбачева Ельцина. Причем, для работы характерны не только осторожность в суждениях, отход от присущих отечественным исследователям эмоциональных крайностей, но и попытка выявить пестроту и противоречивость мнений и взглядов современников на личность М. С. Горбачева и его эпоху, что делает этот труд важным для понимания эволюции восприятия президента СССР в отечественной историографии.

Важнейшей проблемой современной историографии стала проблема характера и уровня обновления политических структур в период перестройки. Комплексным исследованием истории власти занялся Р. Г. Пихоя. Треть его труда посвящена периоду перестройки, когда для страны в целом наступили «самые плохие времена»³. Однако, при этом Р. Г. Пихоя справедливо предостерегает от скоропалительных выводов, признавая, что

---

¹ Волкогонов Д. А. «Вождь» седьмой: Михаил Горбачев // Д. А. Волкогонов. Семь вождей. В 2 кн. Кн. 2. М., 1997.

² Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994.

³ Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Изд. 2-е. Новосибирск, 2000. С. 490.

«историк-современник... всегда обречен на обвинение в предвзятости», причем – «справедливо»¹.

Значительное число авторов (*Н. Верт*, *Ю. Н. Афанасьев*², *М. Я. Геллер*³ и др.) в своих реконструкциях политического процесса тех лет весьма сдержанно оценивают его результаты, не признавая ни действительной радикальности, ни подлинного демократизма. Сохранение ведущей роли партии, даже при условии некоторого перераспределения власти и альтернативных выборов, по мнению исследователей, спасти систему не могло. Более того, конституционные изменения (октябрь 1988 г.), ставшие вторым этапом политических реформ и приведшие к установлению двухуровневой представительной системы – Съезда народных депутатов и Верховного Совета – и учреждению поста президента СССР с широкими полномочиями, еще более усложнили ситуацию. Как считают авторы, данная реформа вызвала критику как *консерваторов*, так и *радикалов*, возглавляемых Ельциным. Как заметил исследователь М. Я. Геллер, Горбачев пошел дальше своих предшественников, «стремясь быть одновременно хранителем устоев и их реформатором»⁴. Тем не менее, почти по единогласному мнению ученых, данные меры способствовали ускорению политизации населения и росту неформальных организаций и народных фронтов.

Серьезный анализ эпохи Горбачева был предпринят группой исследователей, принявших участие в международном научно-образовательном форуме «Двадцать лет перестройке: Эволюция гуманитарного знания в России», проводившегося 27–28 апреля 2005 г. в РГГУ⁵. В сборник, изданный по итогам форума, вошло более 50 статей, посвященных внешнеполитическим, экономическим, социологическим аспектам изучения перестройки и зна-

---

¹ *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 638.

² *Афанасьев Ю. Н.* Опасная Россия. М., 2001.

³ *Геллер М. Я.* Горбачев. Победа гласности и поражение перестройки // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М.: РГГУ, 1997.

⁴ Там же. С. 573.

⁵ Двадцать лет перестройке: эволюция гуманитарного знания в России: Материалы междунар. науч.-образ. форума. Москва. 27–28 апреля 2005 г. М., 2005.

чению последней для развития российской исторической науки в целом. Однако вопрос «феномена Горбачева» как политика и реформатора так и не был заявлен.

Имеющей определенное значение следует признать изданную в 2005 г. и посвященную периоду перестройки и ее инициатору работу доктора исторических наук, профессора, бывшего советника президента СССР К. Н. Брутенца «Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке»¹. Несомненным достоинством работы является тот факт, что К. Н. Брутенц стремится к взвешенной позиции в оценках происшедших в стране в «эпоху Горбачева»² изменений. Видимо, следует согласиться также с омской исследовательницей С. А. Величко, которая правомерно считает, что создать универсальную теорию, объясняющую историю перестройки, невозможно, пока лишь пришло время *поиска многофакторной трактовки* событий и процессов прошлого. Кстати, выявляя подобный подход к истории перестройки в работах зарубежных авторов, она признает сохранившийся в научных кругах США и Великобритании в 1990-е годы интерес к исторической роли последнего советского лидера. Исследовательница не пишет о «феномене Горбачева» непосредственно, но отмечает при этом нестандартность подходов зарубежных историков к проблеме «Эры Горбачева» в СССР³.

Контрольные вопросы и задания

1. Какую роль играла историографическая публицистика в освещении проблемы?
2. Какими причинами была обусловлена ее значительная роль в формировании новой историографической традиции?
3. Как складывалась проблематика хрущевской «оттепели» в советской историографии и в чем состояли ее парадоксы?
4. «Великое десятилетие» в новейшей историографии: рассмотрение вопроса о пределах политической модернизации. Выделите спектр оценок и сопоставьте их.

¹ Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005.

² Там же. С. 654.

³ Величко С. А. Освещение перестройки в СССР (1985–1991 гг.) в зарубежной историографии // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 162–166.

5. Проанализировав книгу В. Козлова «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.)» (Новосибирск, 1999), составьте таблицу причин объективного и субъективного характера, вызвавших выступление рабочих в Новочеркасске в 1962 г.
6. Что дало в изучении перестройки М. С. Горбачева использование постмодернистской методологии?
7. Каков характер освещения процесса зарождения многопартийности на рубеже 80–90-х годов XX в. и методологические подходы в создании классификационных систем?
8. Каким образом отечественные и зарубежные авторы пытаются конструировать политический портрет М. С. Горбачева? Критерии научности предложенных характеристик (сравнительный анализ).

Тема 9. Современный российский политический процесс: методологические ориентиры и историографические наработки

Лекции 22–24

План

- 1. Новые методологические подходы к изучению современного российского процесса и структурная реконструкция его составляющих в историко-политологической литературе.
- 2. Институционализация многопартийности и российская политическая элита как объект исследования.
- 3. Изучение политической регионалистики: первые итоги.

1. Современный российский политический процесс как объект научного познания включает в себя огромный комплекс сюжетов, в ходе исследования которых на междисциплинарном уровне применяется все многообразие методик и приемов.

Представляется, что до второй половины XX в. в обществоведении преобладали процессы нарастающей специализации методов и объектов анализа. Современная ситуация в значительной степени изменилась. Усиливается тенденция синтеза методов гуманитарных наук, что явилось результатом усложнения детерминации общественно-политических процессов. Сближаются методики истории, политологии социологии, психологии и других наук.

Одновременно авторы, в том числе и историки (например, *Ю. С. Пивоваров, Р. А. Медведев, В. В. Согрин* и др.), достаточно широко применяют методы политологического анализа: институциональный, т. е. анализ политических институтов и их законодательной базы; бихевиоральный, т. е. изучение механизма осуществления власти, политического поведения субъектов политического процесса и т. д.; теорию рационального выбора и другие.

Анализ историко-политологической литературы позволяет выявить наиболее часто применяемые, как общенаучные, так и специально-исторические методы в современных исследованиях.

К общенаучным методам относятся: системно-синергетический (метод системного анализа), который позволяет всесторонне и в тоже время дифференцировано изучать российский политический процесс на всех его этапах и во всех проявлениях, во взаимосвязи всех основных, влиявших на него первичных элементов; например, при исследовании современной избирательной системы он позволяет рассмотреть динамику и механизм ее становления, как результат взаимодействия органов власти, избирательных комиссий, политических партий, средств массовой информации, судов общей юрисдикции и граждан Российской Федерации (или региона) (А. И. Ковлер, С. Б. Рудкевич, З. М. Зотова и др.); структурно-функциональный, позволяющий выявить уровни политических подсистем общества (сфер жизни, секторов, укладов, политических режимов, различных ветвей власти и т. д.), а также сравнить типы их функционирования; именно совокупность связей и отношений между элементами системы, в первую очередь, политической, позволяет изучать ее, да и общество в целом во всем многообразии и пытаться составлять социальные прогнозы (С. Е. Заславский, А. Салмин, М. Н. Афанасьев, В. Я. Гельман и др.); диалектический, предполагающий рассмотрение общества, партий и движений в их строении, развитии: в горизонтальном срезе – путем сопоставления друг с другом, в вертикальном – через детерминизм, т. е. выявление причинно-следственных связей, с реконструированием социо-культурной и политической динамики. При изучении развития политического процесса электоральной ситуации в настоящее время широко используются количественные методы: построение вариационных и динамических рядов, контент-анализ, что позволяет авторам выявить взаимосвязи качественных и количественных сторон развития; выделить и обосновать приоритеты (Г. В. Голосов, Е. Ю. Мелешкина и др.).

Также достаточно часто авторы используют *инструментарий политического инжиниринга*, позволяющий проектировать алгоритм исследования на основе сравнения «текущих» партийных платформ с формализованными критериями *идеальной модели* объекта изучения через выделение четких границ его качественных характеристик, т. е. используется методологический принцип холизма (В. Д. Голиков, Н. Ю. Замятин, П. В. Заляц, А. С. Панарин и др.).

Данные методы успешно сочетаются со специально-историческими методами, такими как историко-сравнительный (компаративистский), позволяющий выявить общие «гнездовые» теоретические концепты в политических, экономических, социально-культурных платформах и прогнозах партий, общественных сил, и выявить различия их идейно-политических и организационных установок; историко-типологический (феноменологический), предполагающий подход к политическому явлению как, с одной стороны, уникальному, а с другой стороны – не оторванному от существовавших общественных процессов и условий; он позволяет с достаточной степенью обоснованности и научной корректности использовать критериальные шкалы и классификации для обобщения, уточнения понятийного аппарата, терминологии и полученных выводов; историко-антропологический, связанный с использованием аксеологического принципа, т. е. принципа, согласно которому значимость политического события ставится в зависимость от ценности априорных, общепринятых норм, находящихся в сферах нравственности, этики, а также общественной морали; от морально-ценностных характеристик не свободны ни события прошлого, ни настоящего.

Все это позволило авторам достаточно основательно изучить современный российский политический процесс. *Прежде всего*, поставлен вопрос о его сущности, динамике и перспективах. Как считают исследователи (*В. Е. Мелешкина, А. Ю. Шутов, С. В. Чуев* и др.) на данный момент насчитывается большое число определений понятия «политический процесс». Одни исследователи¹ рассматривают политический процесс как форму функционирования политической системы общества, эволюционирующей во времени и пространстве, т. е. выделяется в первую очередь динамический аспект. Как считают другие исследователи, это определение, несмотря на его масштабность, не проецируется на изучение локальных процессов. Получило распространение в политической литературе и более абстрактное понятие: политический процесс как развертывание политики во времени

---

¹ См.: *Власть и оппозиция. Российский исторический процесс XX столетия.* М.: РОССПЭН, 1996; *Сунгуров А. Ю.* Особенности политического процесса в Санкт-Петербурге // *Полис.* 1998. № 2.

и пространстве в результате упорядоченной последовательности действий и взаимодействий¹. Многие современные политологи и историки пытаются использовать более узкие определения: первое из них предполагает его оценку через механизм действий политических акторов во времени и пространстве; второе – как цепочки политических изменений во времени и пространстве (А. Ю. Шутов, Р. Ф. Туровский и др.). И, наконец, возник и уточненный вариант определения. В частности, исследователь С. В. Чуев², синтезировав вышеприведенные варианты, предложил политический процесс рассматривать как совокупность действий (взаимодействий) политических субъектов во времени и пространстве, ведущее к политическим изменениям.

Во-вторых, в качестве важнейшей составляющей современного политического процесса исследователи выделяют тип политического режима, придав ему после многолетнего использования для обозначения авторитарных режимов совершенно иное звучание. В частности, его стали применять для характеристики методов осуществления политического процесса, практики функционирования государства в рамках определенного политического поля (Д. А. Фадеев, В. Я. Гельман, К. С. Гаджиев и др.), подвергнув анализу через парадигму транзитологии характер доминант, влияющих на демократизацию политических режимов переходных обществ. Политолог В. Я. Гельман проанализировал материалы дискуссии, шедшей в научной, в том числе и в зарубежной литературе³, а историк Ю. С. Пивоваров, обобщив исторический опыт XX в., попытался разобраться в причинах неудачи демократического транзита в России⁴. Вопрос о причинах слабости демократических институтов остается дискусси-

---

¹ Политический процесс: основные аспекты и способы анализа... / под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М., 2001.

² Чуев С. В. Современный исторический процесс на Дону (1989–2004 гг.): этапы и содержание. Исторический аспект: дис. ... канд. истор. наук. Ростов н/Д, 2005.

³ Гельман В. Я. Трансформация политических режимов и демократическая оппозиция в посткоммунистической России (анализ современных транзитологических концепций): дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1997.

⁴ Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о неудачах демократического транзита // Полис. 2005. № 6.

онным: одни авторы¹ соотносят его с проблемой формирования гражданской политической культуры; другие (В. Я. Гельман и др.) – с необходимостью проведения соответствующих институциональных изменений; третьи (С. В. Чуев и др.) высказывают мысль о том, что институциональный дизайн, допускающий относительно автономное существование различных ветвей и уровней власти, механизм взаимного контроля, правовое поле для развития независимых общественных институтов (партий, движений, СМИ и др.) – главное условие формирования гражданского общества.

В-третьих. Одним из важнейших направлений изучения современного политического процесса является обоснование роли политических партий и общественных движений².

Большинство ученых по данной проблематике (В. Гельман, З. Зотова, Г. Голосов и др.) анализируют состояние партийной политической системы в России, опираясь на ее сложившееся определение как механизма конкуренции и взаимодействия партий в борьбе за власть и в процессе его осуществления, а также на существующую в научной литературе типологию данных систем (однопартийную, двухпартийную, многопартийную. Авторы (В. Гельман, Г. Голосов, В. Никонов, Вл. Рыжков и др.) пытаются выявить причины ее слабости в России, связывая последнюю со специфическим характером политических институтов – типом и особенностями избирательной системы, моделью разделения властей и т. д. Это одно из самых перспективных научных направлений современной историографии проблемы.

В-четвертых, усилилось внимание и изучение избирательного процесса, который большинством авторов рассматривается как важнейший показатель соотношения политических сил, наличия у них ресурсной базы и один из самых публичных актов политического воздействия (Д. Е. Заславский, А. Салмин,

---

¹ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: изд-во Na Marginem, 1996.

² Политический процесс... / под ред. Е. Ю. Мелешкиной; Острогорский М. Демократия и политические партии. М., 1997; Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М., 2003; Попова Н. А. Партийная система современной России // Российский политический процесс XX – начала XXI вв.: власть, партии, оппозиция. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2006.

А. И. Ковлер, Н. А. Попова и др.) на общероссийском материале с момента введения института конкурентных выборов появилось множество работ, посвященных эволюции избирательной системы в России¹, электоральному поведению граждан (Г. В. Голосов, Н. А. Попова и т. д.), политическому участию в выборах и т. д. Исследователи единогласны в признании того факта, что степень демократичности политической системы во многом определяется справедливостью проведения избирательных кампаний, степенью определенности политического результата и т. д.

2. Институализация российской многопартийности и ее особенности сегодня, впрочем, как и в 90-е годы, находится в центре внимания отечественных ученых и политиков (Г. В. Голосов, В. Н. Абрамов, С. А. Попов, М. Р. Холмская и т. д.²). Обращено внимание на типы многопартийности: а) в зависимости от количества партий выделяют партийные системы умеренного (от 3 до 5) и крайнего (от 6 и более) плюрализма; б) отмечается, что ни одна из партий не может самостоятельно находиться у власти; в результате, считают авторы, на протяжении всех 90-х годов, возникала необходимость создания коалиций как для формирования правительства, так и для внутрипарламентской деятельности; в) многопартийные системы типизируют также в зависимости от наличия в них партий с антисистемной ориентацией, выделяя поляризованные партийные системы с существованием влиятельных партий внесистемной оппозиции и непольяризованные попытками поиска консенсуса между наиболее влиятельными партиями относительно основных политических норм и «правил игры».

Исследователи процесс трансформации российской многопартийности в системе политико-властных отношений, как

---

¹ См., напр.: Гельман В. Я. Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода // Полис. 1997. № 4; Ковалев В. А. Мажоритарная или пропорциональная система... // Полис. 1998. № 5; Ковлер А. И. Указ соч.

² Абрамов В. Н. Многопартийность в постсоветской России: тенденции, проблемы, общественные потребности. М., 1998; Попов С. А. Партия, демократия, выборы. М.: Омега, 2003; Холмская М. Р. Российская многопартийность: новый этап развития // Кентавр. 1994. № 5.

правило, связывают с двумя электоральными циклами: 1-й – с избирательными кампаниями 1993–1996 гг. – состоявшего в институциональном оформлении нового политического режима; 2-й (1999 – начало 2000 гг.), связанный с завершением процесса трансформации политического режима в России; причем, выборы оцениваются как тот маркер, который на протяжении 1990-х годов проявил все основные тенденции во взаимоотношениях партий между собой и с властью (*Н. А. Попова, Г. В. Голосов, В. Я. Гельман* и др.). Указанные авторы выявили особенности циклов. Специфика первого, по их мнению, состояла: а) в неудачной попытке утвердиться какой-либо партии в качестве партии большинства; б) резкая дифференциация на парламентские и непарламентские партии; в) формирование объединенных блоков (левой оппозиции, лево-центристских сил, право-либеральных партий); г) оформление не только внесистемной, но и системной оппозиции (КПРФ, ЛДПР, «Яблоко»); д) сохранение фрагментарности российской многопартийности. Доминирующим процессом второго цикла избирательных кампаний исследователи считают складывание своего рода «двухпартийной» системы, которая поляризовала многочисленные политические субъекты на «партию» проправительственных объединений, групп, элит и «партию оппозиции президенту», представленную, прежде всего, системной, т. е. парламентской оппозицией. Процесс формирования российской «партии власти» нашел отражение в общественно-политической литературе, а также оценки итогов второго этапа развития российской многопартийности как процесса превращения партий в системообразующие структуры сложившейся политической системы (*Н. А. Попова, Г. В. Голосов, А. В. Лихтенштейн*¹).

Стали интенсивно формироваться в литературе характеристики предложенных В. Путиным политических реформ и проведен анализ содержания нового (третьего) избирательного цикла как ориентации на превращение партий в единственных участников избирательного процесса и формирование полноценной партийной системы при условии наличия других общественно-

---

¹ *Лихтенштейн А. В.* Партии власти и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1.

значимых факторов: соответствующего политического климата, свободы средств массовой информации, законности и т. д. (Г. В. Голосов и др.).

Современными авторами поставлен комплекс проблем, связанных с российской политической элитой, вопросами ее становления, генезиса и роли в российском политическом процессе в целом (О. В. Крыштановская, Е. Б. Березовский, А. В. Понделков, А. М. Старостин, Г. К. Ашин и др.). Закрепилась ориентация на методологию итальянского социолога В. Парето, делившего элиту на правящую, прямо или косвенно осуществляющую власть, и неправящую (контрэлиту), не имеющую доступ к управлению и руководству; также вполне приемлемым представляется многим авторам его теория циркуляции элит, способствующей сохранению социальной и политической стабильности в обществе¹ и в известном смысле предохраняющее последнее от надломов.

Расширилось использование авторами властного подхода² для определения и выделения элиты, как группы, осуществляющей властные функции и влияющего на общество. Приверженцы этого подхода подразделяют его на структурный (все лица, задействованные в структурах власти) и функциональный, при котором к элите относят те группы и тех индивидов, которые оказывают реальное влияние на общественную жизнь и на принятие социально значимых решений. Современные авторы особое внимание уделяют структуре политической элиты, а также интенсивности циркуляции и способам рекрутирования в нее, используя понятия «открытые» и «закрытые» элиты и констатируя непрекращающиеся попытки воспроизводства последних, связанные и с недавним советским прошлым (тенденцией к кастовости), и с неформально-личностным характером реконструирования и функционирования властных элит³. Ис-

---

¹ *Парето В.* Трактат по общей социологии // Осипова Е. В. Социология Вильфреда Парето: политический аспект. СПб., 2004; *Власть и элиты в современной России: сб. научных статей / под ред А. В. Дуки.* СПб., 2003.

² *Моска У.* Правящий класс // Социс. 1994. № 10, 12; *Михельс Р.* Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социс. 2000. № 1.

³ *Крыштановская О. В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность.* 1995. № 1; *Ее же.* Анатомия российской элиты. М., 2005.

следователь М. Н. Афанасьев ввел в научный дискурс понятие «клиентелизм», отводя ему существенную роль в становлении российских политических институтов и деятельности властвующих групп¹.

Особенно глубокий анализ характеристик различных групп политических элит проведен в связи с ходом выборных кампаний в центре и регионах (В. Г. Игнатов, А. В. Понеделков, А. М. Старостин, В. Колосов, Р. Туровский и др.), а также процессом политической трансформации в России (В. Г. Игнатов, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Понеделков, А. М. Старостин и др.). Особую роль в последнее время исследователи отводят изучению региональных политических элит и особенностям их формирования², пытаясь их, с одной стороны, типизировать, с другой – соотнести с центром для более точного прогнозирования хода процессов.

3. Место политической регионалистики в общем потоке историко-политологической литературы в последнее время значительно расширилось и в силу объективных обстоятельств: трансформации российского политического пространства и складывания постсоветской модели федерализма с более четким оформлением региональных политических сообществ, – и в связи с объективным фактором – возрастанием удельного веса политической практики регионов в общероссийской политике.

Одним из важнейших направлений в региональных исследованиях, собственно говоря, положивших начало историографической традиции освещения современного состояния регионов, является изучение характера и роли политических партий и общественных движений на местах. Это проявилось в постановке и изучении ряда проблем. Во-первых, большинство авторов (В. Я. Гельман, Г. В. Голосов, А. К. Мамитов, С. Рыженков, М. Н. Афанасьев и др.) пытаются выявить специфику региональных партийных систем, объяснив их слабость, в основном, связанную с моделью разделения властей и типом из-

¹ Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000.

² См., напр.: Магоomedов А. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологи в современной России: модели политического воссоздания «снизу». М., 2000.

бирательной системы. *Во-вторых*, региональный партогенез получил поэтапное освещение. Так, начальный этап региональной многопартийности (1989–1993 гг.) стал объектом исследования А. К. Мамитова¹, который одним из первых сделал вывод о том, что, несмотря на все сложности протекания процессов в регионе, в рамках данного периода политические партии прошли своеобразный естественный отбор, связанный с процессом их организационного и политического оформления, освоения существующего политического пространства, борьбой за социальные, материальные и идеологические ресурсы, и, что о партийном регионализме можно говорить как о сущностной характеристике периферийной многопартийности. Другой исследователь Г. В. Голосов в качестве благоприятного фактора становления региональных партий и движений назвал внутрипартийные расколы. *В-третьих*, изучение региональных политических партий на втором этапе их становления и функционирования, связанном, как правило, с анализом избирательного процесса, позволило авторам (А. Магомедову, Н. А. Поповой, С. В. Чуеву и др.) сделать вывод о том, что политические партии так и не стали главными его участниками, особенно в регионах, уступив место непартийным кандидатам, как правило, представлявшим интересы власти. Данный вывод особенно применим к тем регионам, которые пользовались мажоритарной избирательной системой на выборах представительных органов субъектов федерации. Так, по мнению известного политолога Г. В. Голосова, господствующая на региональном уровне электоральная формула прямо препятствует «становлению российской партийной системы»². Одновременно констатировалось, что введение смешанной системы выборов региональных законодательных собраний в 2003 г., стимулировало развитие многопартийности³, что в свою очередь создает благоприятную почву для процесса демократизации.

---

¹ Мамитов А. К. Формирование многопартийности в России (1987–1993 гг.): региональный аспект: дис. ... канд. истор. наук. Ростов н/Д, 1995.

² Голосов Г. В. Измерения региональных избирательных систем // Полис. 2001. № 4.

³ См., напр.: Дубровина Е. П. Пропорциональная система на региональных выборах // Журнал о выборах. 2004. № 4.

В-четвертых, вырос методологический и теоретический уровень анализа регионального политического процесса, что проявилось в попытках типологизации политических режимов переходных обществ, в определении моделей которых преуспели многие исследователи¹. В. Я. Гельман разработал четыре теоретических сценария выхода из так называемого состояния «неопределенности»: в зависимости от соотношения политических акторов и используемых ими стратегий политического поведения (компромиссная или силовая) в регионах либо формируется достаточно устойчивый тип регионального политического режима («победитель получает все», «сообщество элит», «война по правилам»), либо закрепляется политическая «неопределенность» («война всех против всех»)². Была предпринята еще одна попытка типологизации (А. С. Кузьмин и др.), когда в качестве критериев измерения выбраны три элемента: формально-правовое распределение власти; уровень конкурентности выборов главы региона; степень партийности регионального представительного органа власти; выявлено 12 возможных разновидностей региональных политических режимов. В этой связи усилилось внимание к изучению регионального авторитаризма, использованию административного ресурса³.

В-пятых, в настоящее время объектом специального изучения стал региональный политический процесс как система взаимодействия различных политических субъектов в целом⁴.

Обобщение соответствующего материала идет по следующим направлениям: выявление этапов развития регионального поли-

---

¹ Гельман В. Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы, практики // Полис. 1998. № 1; Кузьмин А. С., Мелвин Н. Дж., Нечаев В. Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. 2002. № 3.

² Гельман В. Я. Как выйти из неопределенности? Pro et contra. 1998. Vol. 3. № 3.

³ См., напр.: Николаев А. Н. Административный ресурс в региональных избирательных кампаниях // Полис. 2000. № 4; Крыштановская О. В. Административный ресурс. Это главное, что необходимо для победы // Общая газета. 1999. № 46.

⁴ См.: Попова Н. А., Чуев С. В. Становление региональной партийной системы в Ростовской области (1994 – начало 2000-х гг.) // Российский политический процесс XX – начала XXI вв.: власть, партии, оппозиция / под ред. С. М. Смагиной. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2006.

тического процесса и их особенностей; определение его состава и характеристики основных акторов; установление факторов, влиявших на характер их взаимодействия; раскрытие динамики политических изменений на каждом этапе; реконструирование процесса реформирования системы политических институтов в регионе и характеристика регионального политического режима в динамике¹. Результатом тщательно проведенного анализа стало признание того факта, что, к сожалению, главной тенденцией регионального политического процесса стала последовательная монополизация политического пространства представителями властной элиты; не последнюю роль в этом играет несбалансированность модели разделения властей.

Контрольные вопросы и задания

1. Какое освещение в историко-политологической литературе получило начало процесса формирования постсоветской модели российского политического пространства?
2. Выделите из множества определений понятия «политический процесс», сложившиеся на сегодняшний день в литературе, то, которое наиболее полно отражает его субстанциональную сущность современной России:
  - политический процесс – это форма функционирования политической системы, эволюционирующей во времени и пространстве (А. Ю. Сунгуров и др.);
  - это механизм действий политических акторов во времени и пространстве (Е. Ю. Мелешкина и др.);
  - это цепочка политических изменений во времени и пространстве (А. Ю. Шутов, Р. Ф. Туровский и др.);
  - это совокупность действий (взаимодействий) политических субъектов во времени и пространстве, ведущая к политическим изменениям (С. В. Чуев и др.). Обоснуйте свою позицию.
3. Какую роль при освещении российского политического процесса современные исследователи отводят его динамическому аспекту и почему?

---

¹ Чуев С. В. Современный политический процесс на Дону (1989–2004 гг.). Исторический аспект: дис. ... канд. истор. наук. Ростов н/Д, 2005.

4. Почему демократизация политических режимов переходных обществ сегодня рассматривается учеными как центральная методологическая проблема освещения проблемы?
5. В чем состоит дискуссионность постановки вопроса в политической литературе о факторах и доминантах, влияющих на процесс демократизации общества?
6. Каковы причины неудачи демократического транзита в России с точки зрения историка Ю. С. Пивоварова? Каковы в этой связи оценки политологов?
7. Как в новейшей историографии представлена характеристика российской модели партийной системы и ее особенностей?
8. Какое место в освещении современного избирательного процесса авторы отводят политическим партиям и перспективам их дальнейшего участия?
9. Как отражена в историко-политологической литературе эволюция идеологий и программ российских политических партий?
10. Какое внимание в развитии российского политического процесса исследователи уделяют политическим элитам, способам их образования и функционирования?
11. Чем обусловлена важность разработки учеными вопросов, связанных с оформлением такого направления изучения российского политического процесса, как политическая регионалистика?
12. Как оценивается в историко-политологической литературе перспектива развития политического процесса в ракурсе его дальнейшей демократизации?

Учебное издание

СМАГИНА Светлана Михайловна

**РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПРОЦЕСС XX–XXI ВЕКОВ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ
И ИСТОРИОГРАФИИ**

Курс лекций для магистров

Редактор	<i>Ж. В. Матвеева</i>
Корректор	<i>Г. А. Бибикина, Л. А. Багрянцева</i>
Технический редактор	<i>Д. В. Свавицкая</i>
Компьютерная верстка	<i>Е. А. Солоненко</i>
Дизайн обложки	<i>О. В. Чурбанова</i>

Лицензия ЛР № 65-41 от 01.09.99

Подписано в печать 04.08.2008.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBook.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 7,30.

Тираж 500 экз. Заказ № 96.

Издательство Южного федерального университета.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Тел.: (863) 264-00-19.

Отпечатано в типографии ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1.